

ОЛЬГА ЛУКАС

13
ТРИНАДЦАТАЯ
РЕДАКЦИЯ
НЕУБЕДИМЫЙ

ЧТОБЫ ЖЕЛАНИЯ
ИСПОЛНЯЛИСЬ,
ИХ НАДО ЖЕЛАТЬ.

Тринадцатая редакция

Ольга Лукас

**Тринадцатая
редакция. Неубедимый**

«Автор»

2014

Лукас О.

Тринадцатая редакция. Неубедимый / О. Лукас — «Автор»,
2014 — (Тринадцатая редакция)

В Тринадцатой редакции уже привыкли к визитам верховного начальства. Приходит Кастор, всех пугает, приключения начинаются. Но на этот раз он не станет никого пугать – просто похвалит. А услышать его похвалу и не потерять при этом сознание от переполняющего чувства гордости – нелёгкая задача. Но это совершенный пустяк по сравнению с тем, что мунгам предстоит сделать на сей раз. Загадочный букинист, восходящие звёзды самодеятельной песни, режиссёр культового фильма, посторонний призрак, а также шемоборы, носители желаний и случайные прохожие будут помогать и мешать им по мере сил. Трудовая неделя начнётся на летучке, а где она закончится – не знает пока даже Кастор.

Содержание

Неделей ранее	5
День первый	9
День второй	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Лукас

Тринадцатая редакция. Неубедимый

Неделей ранее

Конец сентября, когда в Питере наступает осень или, вернее сказать, когда Питер вступает в осень, – не самое весёлое время. Совсем недавно по этим улицам гуляло лето. Прохожие ещё помнят его, на ощупь, на слух и на вкус. Помнят очень хорошо. Это придаёт им уверенности в себе и своём завтрашнем дне: всё не так ведь и плохо, если ты помнишь, как выглядит лето. И люди самонадеянно думают: «В этом году не будем ныть из-за плохой погоды или менять образ жизни. Подумаешь, дождь, ветер. Разве это проблема? Ничуть не бывало. На этот раз всё по-другому. Мы будем гулять, делать вид, что вовсе нам и не холодно, и вообще, это такое приятное разнообразие из жары в прохладу окунуться.» Они храбро гуляют, некоторые даже прогуливаются. Но им не обмануть ни осень, ни город: плечи уже ссутулились, как будто на них осыпались целые вороха мокрых опавших листьев, глаза стали тусклыми, как подёрнутые первым льдом ноябрьские лужи, один покашливает, другой сморкается, третий в шарф кутается. Только гордыня заставляет этих упрямцев неприкаянно бродить по улицам. Но пройдёт ещё немного времени – может быть, две недели, может, – и того меньше, и генерал Осень получит ключи от Санкт-Петербурга в полноценное пользование.

Дом Мёртвого Хозяина, старый мудрый особняк, крепко вросший в землю, не сопротивлялся смене времён года. Осень – так осень, пожалуйста. Константин Петрович решил сэкономить на отоплении, и потому по коридору носились наперегонки сквозняки. Виталик заказал несколько упаковок экзотических согревающих чаёв, их принесли в большом пакете из обёрточной бумаги, и пакет этот стоял в приёмной и распространял запах увядших листьев и поздних цветов. Лёва, вопреки всем запретам, продолжал курить в кабинете, проветривая его перед уходом. Всего-то на час он открывал настежь окно и дверь, но листьев, желтых, красных, оранжевых и бурых, нанесло в коридор столько, что можно было устраивать фотосессии для девочек, которым срочно нужна осенняя аватарка в социальную сеть.

Поздний вечер заполнял опустевшие кабинеты, тишина клубилась под потолком. Свет горел только в кабинете у шефа. Все подчинённые давно разошлись по домам, а Даниил Юрьевич, не зная устали, разбирался с делами, которые уже нельзя было откладывать на завтра. Он закрыл файл с предварительным планом продаж на квартал, потянулся к папке с документами, которые следовало рассмотреть и подписать ещё на той неделе, – и замер на полпути. В кабинете явно находился кто-то, кому там быть не следовало.

Прозрачная тень, которую не заметил бы ни один живой человек, даже измученный недельной бессонницей, обнаружилась в торце переговорного стола. Ощущение было такое, будто некий незванный дух по собственной воле явился на летучку.

Даниил Юрьевич взял в руки папку с документами, поднялся с места и шаркающей походкой направился к дальнему стеллажу. Но, проходя мимо прозрачной тени, которая совсем замерла и почти слилась с воздухом, внезапно утратил осязаемость и одним точным движением пленил гостя, вынудив его принять человеческий облик. Этому фокусу давным-давно обучил его Кастор – «на всякий случай, потому что случаи бывают всякие». И вот «всякий случай» наступил.

Шеф Тринадцатой редакции снова обрёл материальность, поднял с пола документы, бросил папку на стол и присел за переговорный стол, жестом приглашая гостя последовать его примеру.

Незнакомец озираясь по сторонам, как будто впервые видел этот кабинет.

– Это мне... померещилось? – глухим голосом спросил он.

– Нет. Тебе сейчас мерещится, – отвечал Даниил Юрьевич, с интересом его рассматривая. – Ты подпитаться от меня хотел? Не вышло.

– Я... нет... вреда вам я бы не причинил! – неловко развёл руками дух. – Всего лишь хотел разделить с вами ответственность.

– Нет у меня ответственности, – отчеканил Даниил Юрьевич. – Чести и совести тоже нет. Промашка вышла. Я смотрю, ты у нас уже с недельку пасёшься. Да или нет?

– Пасусь, – не стал отпираться гость.

– То-то я чувствую – Костю как подменили. Не больше часа сверхурочно – на него это совсем не похоже. Кто ты такой и зачем жрёшь ответственность моего заместителя? Ты ведь не с меня начал, а? А?

Эхо этого последнего «А?», как эхо выстрела, гулко отразилось от стен кабинета. Дому Мёртвого Хозяина тоже стало любопытно – зачем к нему пожаловал этот новый призрак.

Все, кто знал Даниила Юрьевича достаточно хорошо, могли бы догадаться, что он никого не собирается пугать. Для того, чтобы у собеседника пробежали по коже мурашки, он предпочитает говорить тихо, вкрадчиво, но так, чтобы воздух вокруг дрожал и вибрировал. Но незнакомец об этом не догадывался, поэтому вздрогнул, уронил на стол руки и произнёс:

– Я Андрей. Я не сдержал революцию.

– Да-а? И кем же ты был, что не сдержал её? – откинулся на спинку стула шеф.

– Был кем? Обывателем. Просто обывателем. Но мог сдержать и не сдержал. Как любой другой. Я потом от чувства вины застрелился.

– От страха ты застрелился.

– Нет. Я не ведал страха. Я не знал, что будет страшно. Я видел только, что стало непорядком. И я этого не сдержал.

– Получается, я тоже мог сдержать революцию?

– Конечно, мог. Любой мог. Но тебя тогда не было. А я – был. Ты ведь живой, только обучен всякому.

– Я-то? Да не живее тебя. Ты в каком умер?

– В девятнадцатом... Тысяча девятьсот.

– Ну и я тоже.

Андрей, не сдержавший революцию, недоверчиво посмотрел на собеседника.

Даниил Юрьевич ударил его по плечу, освобождая от плена материальности, а затем для удобства сам переместился в неосязаемый мир.

«Ровесники!» – почувствовал он удивление духа. А потом, чтобы развеять все сомнения, показал ему последние кадры своей жизни, не вдаваясь в подробности посмертного существования в облике Мёртвого Хозяина. В ответ Андрей поделился своими предсмертными видениями и даже продемонстрировал документ, воспрещающий ему быть полноправным представителем второй ступени до тех пор, пока он не искупит вину за самоубийство. А для этого ему всего-то и нужно – разделить непосильную ответственность с десятью тысячами человек. Девять тысяч девятьсот девяносто семь ответственных уже проглочено. Осталось всего три – и уставший скитаться дух решил задержаться в уютном особнячке и подкормиться за счёт здешних работников.

Убедившись, что злых намерений у Андрея нет, Даниил Юрьевич вернулся в материальный облик.

– Понимаю тебя. Но здесь, кроме Кости, полакомиться нечем. Хотя он у нас троих стоит.

Прозрачная тень встрепенулась. Даниил Юрьевич вспомнил, как он сам, ожидая прощения, метался по этому дому, не имея права выйти за его пределы, туда, к свободе, к вечности. А этот-то поболее его мучается от неупокоенности.

– А ведь Костя и в самом деле сойдёт за троих. У него непосильной ответственности на плечах – как звёзд на небе. Оставайся у меня, отдохнёшь немного от своих скитаний. Если Костиной ответственности будет мало – всегда можешь уйти. Но я на твоей стороне. Знай. Этот дом всегда открыт для тебя.

Дух как будто вздохнул с облегчением, по поверхности прозрачной тени словно солнечные блики пробежали. Потом гость удалился, а Даниил Юрьевич вернулся к своим делам.

Но вскоре опять отвлёкся: под потолком блеснуло северное сияние. Потом оптический эффект спустился по стене, пробежал по полу. Да-да, именно пробежал: из переливающегося разными цветами светящегося облака уже торчали две ноги в кирзачах. Ноги притопнули, подпрыгнули, хлопнули подошвой о подошву. Сияние исчезло. Приземлился на пол уже Кастор собственной персоной.

– Ага! – сказал он и выдержал театральную паузу. – Ага! А собираешься ли ты посвятить в подробности вышеслучившегося разговора своего верного заместителя Костю Цианида? Или пусть этот голодный дух обглаживает его, как свинья – арбузную корку?

– Косте эта процедура пойдёт на пользу. Отбери у него ответственность – его работоспособность только вырастет.

– Предположим. А скажем ли мы об этом Трофиму Парфёновичу?

– У меня нет секретов. Но я не мог не помочь этому... этому Андрею. Ты ведь тоже когда-то помог мне.

– Я тебе помог из корыстных побуждений. А ты вмешался не в своё дело. Какая защита? Какое покровительство? Скитаться и искупать вину – вот его путь. Я бы тебя на пару сотен лет в вечную мерзлоту упрятал за такое самоуправство. Но он – Троша, значит, – Кастор свёл глаза у переносицы и воздел к потолку руки, – сказал – пусть идёт как идёт.

– Ну, просто как добрый и злой полицейский.

– Троша не добрый. Он равнодушный полицейский. И всегда был равнодушным. А я – и злой, и добрый разом. Просто мало кто понимает мою доброту.

Кастор вспрыгнул на стол, скрючился, шмыгнул носом и изронил на пол слезинку размером с вишню. Там, где она упала на пол, линолеум зашипел и обуглился.

– Мудрено понять. Прекращал бы ты уже корчить из себя опереточного Мефистофеля, – проворчал Даниил Юрьевич.

– Не могу. Пробую – не могу! Искушение слишком велико!

– Так смени внешность на более демоническую. Чтобы вверенные тебе мунги при встрече корчились от страха и теряли волю.

– О нет, о нет, – соскочил со стола Кастор и хлопнул себя по бокам. – С этим костюмом я почти породнился.

– Может быть, возьмёшь другое имя? Эта античная двусмысленность совершенно ни к чему.

– Ты скучный и пошлый, как человек из присутствия. Чем больше противоречий – тем больше размышлений. Чем больше размышлений – тем неожиданнее выводы. Люблю, когда милые детушки, вот хоть твои к примеру, делают про меня неожиданные выводы.

– Зачем тебе их выводы? К чему? Ты выше их, ты несравнимо выше.

– Зачем? Чтобы понять себя, конечно.

– Но ты же...

– Только не пытайся меня убедить, будто прекрасно понимаешь о себе всё.

– Хм... Мне кажется, понимаю.

– Тогда у меня для тебя, друг, плохие новости. Тебе больше нечего делать в мире живых. Только тот проводит в мире живых слишком много времени, кто хочет понять о себе что-то ещё и чуть более.

Даниил Юрьевич вздрогнул. Дом заскрипел угрожающе. Кастор изобразил на лице испуг, хлопнул в ладоши и бабочкой вылетел на улицу, сквозь закрытое окно.

День первый

Начало октября выдалось тёплым, не дождливым. Каждый вечер жители города, как замороженные, брели в ближайший парк, чтобы сосредоточенно, с полной отдачей, ворошить ногами сухие листья. Не было в эти дни занятия важнее. Дела забыты, привычные удовольствия отошли на второй план, выяснение отношений отложено на сезон дождей. Только нежное, не жгучее солнце, прозрачный воздух и шорох листьев.

Каждое утро ждали перемены погоды – ждали, надеялись и мечтали, чтобы этого не произошло. Жизнь в городе остановилась, дома, улицы и реки выглядели как старинные гравюры, переложенные палевой папиросной бумагой шуршащих листьев.

Конечно, однажды непременно пойдёт дождь. И он будет идти до тех пор, пока не станет снегом. Но пока этого не случилось – жизнь можно поставить на паузу. И слушать тишину, в которой то и дело раздаётся тихий шелест.

Аня проснулась, когда было совсем темно. Посмотрела на часы – вставать ещё рано, а спать уже не хочется. Вчера весь день она батрачила на родительской даче, но сегодня – сегодня понедельник. И она, теоретически, должна учиться. Она и будет учиться: прибежит к середине второй пары, сядет за стол и нарисует на полях тетради знакомый профиль. И тут же зачирикает или снабдит деталями-обманками, чтобы подружки не догадались, о ком она мечтает.

Она лежала, закрыв глаза, и представляла дождливое утро (ведь когда-нибудь дождь всё равно пойдёт!), пустую кофейню, где только она – за столиком и он – за стойкой бара. Неприятный охранник вышел покурить. Все люди куда-то исчезли, наверное, тоже вышли покурить. Весь мир стоит на крыльце и курит. И тут он подходит к ней...

Аня всё-таки заснула – автоматически включилось радио и сообщило, что в Санкт-Петербурге восемь утра, погода по-прежнему прекрасная, так что...

Теперь – пора. Аня не стала слушать, что – «так что», нажала на кнопку «off». Жизнерадостный крик диджея сбивал лирический настрой.

Когда до «Фей-кофеи» оставалось не больше пятидесяти шагов, она всегда чувствовала себя так, словно у неё неделю была высокая температура, которая внезапно понизилась. Слабость ещё есть, она сковывает руки и ноги – но телу легко и беззаботно, оно предчувствует полное выздоровление и стремится к нему.

В зале было многолюдно – минус. Неприятный охранник стоял у дверей и глядел на каждого входящего, как на молю. На Аню он посмотрел, как на личинку моли. «Только бы не догадался!» – привычно подумала она и юркнула за свободный столик.

Осмотрелась. Вот рисунки на стенах, вот люди в зале... Как гурман, знающий, что в конце его ждёт обязательное лакомство, она медленно обводила взглядом помещение. Наконец как бы случайно поглядела в сторону барной стойки. И тут же опустила глаза – ей показалось, что он смотрит прямо на неё, что он всё понял.

Она стеснялась делать заказ у стойки и всегда ждала официанта. Но сегодня – решено. Она подойдёт и заговорит с ним. Ну в самом деле. Она ходит сюда уже почти месяц – как изменилась жизнь за это время, – а всё ещё не перекинулась с ним даже парой слов. Только сидит и смотрит. А чаще – опускает глаза, чтобы никто не догадался.

Ей казалось, что напряжение, как грозовая туча, повисло над её головой и стало осязаемым для прочих посетителей. Но они завтракали – поспешно или не очень, расплачивались, отвечали на телефонные звонки, обсуждали погоду. Для них это было обычное утро понедельника. Ну, не совсем обычное – с учетом солнца за окном, но всё-таки – понедельника и всё-таки – утро.

Джордж стоял за стойкой, как всегда по утрам с тех пор, как уехала Анна-Лиза. В тот летний день почти ничего не изменилось, только все работники кофейни, даже новенькие,

внезапно стали очень деликатными и предупредительными. Каждый – начиная с Елены Васильевны и заканчивая Костылём – обходил в разговоре темы, которые могли расстроить хозяина. Его сместила такая трогательная, совершенно ненужная забота о его душевном спокойствии. Неужели они в самом деле думают, что он забудет Анну-Лизу, если они перестанут упоминать её имя в разговорах с ним? И неужели они думают, что он хочет её забыть? И неужели они не понимают, что ему хорошо оттого, что ей хорошо, что она есть на свете? Нет, наверное, не понимают. Обладать, брать, копить, хватать – в природе человека. Где-то очень-очень глубоко в подкорке зашито. Едва только первая амёба, одноклеточное бесформенное нечто, сделала первое движение, она протянула ложноножки в сторону потенциальной добычи – пылинки какой-то, схватила её и поглотила. С этого началась эволюция. На каждом этапе развития – всё более совершенные органы хватания и поглощения. Транснациональные корпорации – вершина такой эволюции.

Джордж вздохнул и провёл рукой по лбу – нелегко быть первой инфузорией-туфелькой в стае амёб.

Неподалёку, не решаясь сделать заказ, маячила посетительница, которую он, кажется, уже видел здесь. У «Феи-кофеи», как у спортивной команды, были свои болельщики. Но эта, скорее, не из них. Настоящий болельщик чувствует себя частью команды. Он лихо подходит к стойке, кладёт на неё локти и заговорщицким шепотом спрашивает: «А что нового сегодня Павел приготовил? Какое настроение у Елены Васильевны? Не возобновилась ли доставка?» Болельщики знают всё и всех – непонятно, откуда, но знают и передают эти знания друг другу. И уж конечно они делают заказ, не рассматривая витрину, не листая меню, – они всё прочитали на сайте и выучили наизусть.

Аня тоже прочитала меню на сайте и тоже выучила его наизусть. Но она нарочно медлила. Сейчас – вот именно сейчас – перед ней раскинулась целая сеть разбегающихся в разные стороны тропинок, она стояла на перепутье. Каждый шаг к нему, каждое слово будут стирать тропинку за тропинкой, пока в её распоряжении не останется всего одна. А может быть – не в её, а в их распоряжении? Ради этого «их» стоит, пожалуй, рискнуть.

Казалось, он не обращает на неё внимания – а может быть, и в самом деле не обращал. Аня ещё раз посмотрела на него со стороны. Такой красивый и такой грустный!

«Ну хватит пялиться, овца!» – мысленно прикрикнула она на себя. Обращение «овца» казалось ей очень обидным – куда обиднее многих грубых ругательных слов, и Аня сделала шаг, словно дёрнула ручку игрового автомата. Тропинки замерцали, переливаясь всеми цветами, – сейчас будет сделан случайный выбор, и она уже ничего не сможет изменить.

– А можно мне... кофе... просто кофе... И... а что вы посоветуете? – храбро спросила она.

– Что посоветую? – Джордж уже манипулировал маленькой джезвой. – Завтрак или десерт?

– Нет, я завтракала уже! – ляпнула Аня и покраснела. Вот она и проговорила. Если человек позавтракал перед тем, как идти в кофейню, – значит, всё с ним ясно. Пришел он не для того, чтобы есть-пить. Ох, шляпа!

– Давно встали? – не заметил её оплошности Джордж. – Тогда штрудель возьмите. Штрудель – это для тех, кто встал очень рано и успел сделать много полезных дел.

– Я ничего полезного сегодня не сделала.

– Да? И что же вас так рано сегодня разбудило? Солнце? Или соседская дрель?

Он мог бы уже догадаться, в самом деле. Но вместо этого – расставлял на подносе молочник, сахарницу, стопку с холодной водой, раскладывал салфетки.

– Не знаю. Может быть, несчастная любовь... – загадочно сказала Аня. И тут же мысленно обругала себя за эту фразу: а вдруг подумает, что эта любовь – не к нему, а к кому-то другому? Но он вообще ничего такого не подумал.

– Любовь не бывает несчастной, – ответил Джордж. – Несчастливым бывает человек, который... ну просто он неправильно понимает значение слова «любовь».

– А вы? Вы – понимаете? – наклонилась к прилавку Аня.

– Я? Без малейшего вообще представления.

Он поставил поднос на специальную полочку, выбил чек.

Аня молча расплатилась и вернулась за свой столик. Станный разговор – ничего не изменил, все тропинки мерцают перед ней, как и прежде. Наверное, у него есть какая-то роковая тайна и вот так, первому встречному, он её не откроет. Она ковыряла вилкой штрудель, мысленно перекраивая выдуманный образ.

Тем временем Джордж, сдерживая смех, читал sms от Анны-Лизы: «Я перераскрасила джип и потеряла диагноз с названием рисунка. Напиши мне? что это по-русски.» Затем она прислала фотографию. На чёрном поле – золотые цветы и красные ягодки. Джордж увеличил рисунок: а ягодки-то не простые. У каждой – маленькие злые глазки и зубы острые, да и многие цветы уродились с глазами и клыками. «Хищная хохлома», – ответил Джордж. И снова улыбнулся, представляя, как Анна-Лиза будет произносить это название.

Чтобы все могли насладиться последними ясными днями, Наташа раздвинула жалюзи на единственном окне в приёмной. Пучок солнечного света, как луч прожектора, осветил и вывел на первый план стеллаж с книгами. Потом переместился чуть левее, чтобы внимательно рассмотреть затейливый танец пылинок. Каждый, кто входил в приёмную, менял стиль и направление этого танца. Даниил Юрьевич прошел через освещённую солнцем сцену незаметно, неслышно – вальс сменился менуэтом. Прошмыгнувший к кофейному автомату Виталик превратил менуэт в брейк-данс. Сёстры Гусевы добавили к нему элемент гопака. Лёва сосредоточенно прошагал к двери, ведущей в коридор, и пылинки, выстроившись в колонны, принялись маршировать за ним следом. Вошел Денис и, взглянув на часы, ускорил шаг – полки смешались, вернулись на исходную позицию и освоили аэробику. Наконец в приёмной появился Константин Петрович. При виде его танцоры сначала замерли, а потом попрятались по углам. Солнечный луч вздрогнул и переместился в сторону.

Вслед за Константином Петровичем через порог шагнула Маша.

– Но ведь вчера было вкусно, правда? – застенчиво спросила она, видимо продолжая разговор, начатый ещё на лестнице.

– Очень! – прижал к груди руки коммерческий директор и вымученно улыбнулся.

Маша Белогорская, дочь знаменитой кулинарки, готовить не умела, хотя и не оставляла надежды когда-нибудь понять секрет этого мастерства. Иногда, когда ей хотелось порадовать Константина Петровича, она находила в Интернете особо заковыристый рецепт, долго колдовала на кухне и наконец выносила на дрожащих вытянутых руках поднос с лакомым блюдом. Как правило, оно оказывалось более чем не лакомым – это можно было понять с первой же ложки. Но чтобы порадовать Машу, Цианид мужественно съедал не только свою порцию, но и половину её доли.

Оба понимали, что ужин не удался. Но после неудачного ужина в их распоряжении был целый вечер. Который удавался всегда. Даже в те редкие дни, когда Маше случайно удавалось приготовить что-нибудь вполне съедобное.

– Просто мне стыдно, что чужая тётя, может быть старенькая, будет за нами убирать, – помолчав, сказала Маша. Видимо, тоже продолжая какой-то начатый ранее разговор.

– А ты представь, что мы дадим этой тёте работу. Мы ей деньги будем платить, между прочим. Я даже готов переплатить. Могу расписку составить хоть сейчас. С таким текстом: «Готов переплатить, если это будет нормальная тётя или нормальный дядя». Или нормальный робот-трансвестит, или, не знаю, кто угодно. Но чтобы в доме стало уютно.

Раньше Константин Петрович не задумывался о том, что в его доме должно быть уютно. И это сказалось на общей обстановке. Когда Маша поселилась у него, он понял, как далёк его быт от идеала. Костя двигал мебель и прибавал какие-то полочки, Маша прилежно чистила, драила и скребла, но общее ощущение заброшенности, какое бывает в квартире, в которой слишком часто меняются жильцы – не проходило.

– Вам, я слышал, нужен человек, который превратит пещеру коллекционера бытового мусора в домик с картинкой? – как чёртик, выпрыгнул откуда-то сбоку Виталик. Константин Петрович чуть не уронил на пол Машин плащ.

– Ты ведь не себя имеешь в виду? – осторожно уточнил он.

– Что вы! Для подобных целей в мире существует такой нарочно придуманный человек – Космомакс. Уборщик нового поколения. Приезжает на скутере, сам весь в гаджетах. Своими руками составляет средства для очистки различных загрязнений. Химик дипломированный. Ваша квартира будет блестеть, как бриллиант. Бонус – Космомакс готовит вегетарианский ужин. Хозяева возвращаются в чистую квартиру и, наслаждаясь экологической чистотой, едят экологический ужин.

– То есть, пока нас нет дома, он там будет на моей кухне хозяйничать? – нахмурился Константин Петрович.

– Космомакс снабжен веб-камерой. Владелец квартиры может наблюдать за ним в режиме онлайн. Он также поддерживает разговоры на интересные темы, если хозяин дома.

– Да? И почему он такой умный – и на такой работе? Почему не в офисе сидит?

– Во-первых, ему нравится наводить порядок на планете. А во-вторых, ни в одном офисе он столько денег не заработает.

– Молодец, – одобрительно кивнул Цианид. – Мне уже нравится этот парень. А тебе?

– Меня немного пугает вегетарианский ужин, – призналась Маша. – Виталиковых вегетарианцев нам в прошлый раз хватило.

Техник строптиво мотнул головой, не желая признавать былую ошибку.

С тех пор как Маша вернулась в родной город, её мать, Елена Васильевна, ни дня не давала ей передохнуть. «Когда свадьба? – интересовалась она, – А крестины когда? Ты с этим не тяни, а то поматросит – и бросит, и останешься в старых девах никому не нужная».

Константину Петровичу и Маше всегда было стыдно после таких разговоров. Они чувствовали, что не оправдали доверие, и уже были готовы на всё, включая свадьбу. Пару недель назад они сидели на диванчике в приёмной и перебирали варианты возможного решения проблемы. И тут появился Виталик. «Я всё устрою! – сказал он. – Свадьба – завтра. Крестины – в пятницу. Просто скажите это вашей мучительнице, остальное я беру на себя».

Заинтригованная Елена Васильевна пришла к загсу в назначенное время и увидела целую толпу людей в свободных разноцветных одеждах. Все они пели, приплясывали, многие были обриты налысо, и совершенно непонятно было, кто здесь жених, а кто – невеста.

Ни дочери, ни её сомнительного кавалера видно не было. Зато к ней с поклоном подрулил какой-то смутно знакомый субъект – кажется, Машин коллега.

– Что это за... секта? – задыхаясь, спросила Елена Васильевна.

– Это просто свадьба. Веганская свадьба, – любезно пояснил Виталик.

– Хулиганская свадьба?

– Никакого хулиганства. Это мои приятели. Они вегетарианцы. Решили вот, шутки ради, расписаться.

– Шутки ради? Это не шутки!! А где моя дочь?

– Дома. Я так понял, что вас давно не приглашали на свадьбу, а вам хочется погулять, попить шампанского. Шампанского, правда, не обещаю, но скоро станет очень весело!

Елена Васильевна побагровела и, развернувшись на каблуках, зашагала прочь.

– А на крестины вам тогда не надо идти, – крикнул ей вслед Виталик. – А то пожелаете ребёночку веретеном уколаться.

После этого инцидента Елена Васильевна стала относиться к Константину Петровичу и вовсе скверно.

– А точно за этим твоим Космонавтом можно через видеокамеру следить? Он не сжульничает, раз такой умный? – спросил Цианид. – А скидку за дружбу с тобой он нам сделает?

– Его зовут Космомакс. А цены приятно вас удивят. Соглашайтесь, друзья.

Вернулась Наташа с маленьким портативным пылесосом – видимо, она решила внести коррективы в танец пылинок и существенно сократить балетную труппу.

– Через час – летучка. – взглянув на часы, сказал ей Константин Петрович. – Позвони Шурику и напхни, что сегодня – рабочий день. – потом, повернувшись к Маше, добавил: – Ну, ты решила? У меня сейчас будет разговор с Москвой.

– Нет. Наверное, всё-таки нет, – ответила та.

– Подумай ещё. Ты же этого хотела. Я пока поставлю этот вопрос на паузу... – и, поймав любопытный взгляд Виталика, коммерческий директор углубился в изучение утренней корреспонденции. Или сделал вид, что углубился. В надежде получить объяснения, Виталик посмотрел на Машу. Но объяснений не предвиделось и на этом фронте.

А дело было вот в чём. В Москве в кои-то веки задумались о расширении питерского филиала. Ну, не то чтобы о расширении. Просто спустили Константину Петровичу приказ – нанять ещё одного сотрудника в отдел продаж, в помощь сёстрам Гусевым. Не потому, что они не справлялись с делом. Скорее – наоборот. Грозные бабульки работали так хорошо, что им уже нужен был помощник – чтобы исполнять простую бумажную работу, не требующую особенных умений.

Вот этим-то помощником Константин Петрович и видел Машу. А что же? Она аккуратная и ответственная, все счета-фактуры будут у неё в полном порядке, подшиты в папки по месяцам, и не надо будет носиться по всему зданию в поисках важной бумажки, без которой может сорваться долгожданная отгрузка товара на несколько сотен тысяч.

Только Маша не спешила из внештатного корректора превращаться в штатного помощника. До сих пор положение вещей её вполне устраивало. Она была здесь, со всеми вместе, – и в то же время в любой момент могла отправиться куда угодно: гулять по крышам, покупать продукты к ужину, кататься на роликовых коньках или сесть в автобус и уехать на целый день в Хельсинки. Ей нравилось то, чем занимаются мунги, – это было действительно то, о чём она мечтала всегда. Но вот издательская рутина – это совсем иное. Корректор – он ещё хоть какое-то отношение к книгам имеет. А секретарь-помощник в торговом отделе? Чем отличается эта должность от работы секретаря-помощника в торговом отделе любой другой компании?

«Так с тобой всегда, – думала она, а в голове звучал голос матери: «С тобой так всегда. Нашла работу своей мечты. Поработала. И всё, спеклась? Так и будешь всю жизнь мыкаться. И мужик тебя потом бро...» Э, нет. Перебор, мамуля.»

Но что делать, что делать, если она распробовала свою новую работу, почувствовала вкус и поняла, чего ей хочется на самом деле.

Быть рядом с книгами. Листать их, читать. Но не воспринимать книги как товар. Ведь на самом деле книга – это не товар. Кто-то что-то перепутал, всех запутал, или обдурил – и книги скоро будут продавать на развес, как бывшие в употреблении вещи.

Бывшие в употреблении книги. Это ведь совсем иное дело!

«Ну-ну. Размечталась. Надо было оставаться в районной библиотеке – на первой работе».

Это – снова голос матери.

«Я бы осталась, мамочка, – подумала Маша в ответ, – но ты так убедительно притворилась умирающей, что мне пришлось уволиться, чтобы ухаживать за тобой. И ты чудесным

образом выздоровела. Не сразу я поняла, как устроена эта игра. А когда поняла, в библиотеке мне уже нашли замену».

Разворошив аккуратную папку с корреспонденцией, Константин Петрович кивнул каким-то своим мыслям и вышел в коридор.

– Ну что там с Космомаксом моим? – догнал его Виталик.

– Мы подумаем. И сообщим о нашем решении. Ещё вопросы?

– Ага. Вот такой вопрос у меня назрел. Кто спасает мир, пока вы там... это самое? – брякнул Виталик. И даже отскочил на шаг назад, испугавшись собственной наглости.

– Что??? – побагровел коммерческий директор.

– Ну, кто защиту держит, пока вы с Машей заняты друг другом. Мир-то беззащитный в этот момент. Его может любой злодей обидеть.

– А защиту в это время держишь ты! – с неожиданной веселостью ответил Константин Петрович и скорчил зловещую гримасу: – Повелеваю. И заклинаю. И насчёт двойной скидки спроси у своего этого КосмоМопса.

– Да, сэр... – проямлил ему вслед Виталик.

День клонился к вечеру. А может быть, ночь уже давно вступила в свои права. Или наступило утро, какое-нибудь обычное серое утро. Где-то люди спускались в метро, скользили по рекам и каналам катера с туристами, дети уходили из дому, плыли по небу облака. И все они были свободны! Пусть возможный маршрут пассажира метро ограничен существующими ветками. Пусть катер плывёт только по реке и каналу и не смеет взгромоздиться, например, на трамвайные рельсы или вырुлить на шоссе. Пусть ребёнок, ушедший из дому навсегда, возвращается, как только почувствует голод. Пусть облака двигаются по небу, послушные дуновению ветра. Всё это чепуха по сравнению с жизнью, очерченной четырьмя стенами камеры да коридором, в котором вновь появилась невидимая прочная стена.

Эрикссон, казалось, вовсе позабыл про своего раба. Прежде заваливал делами, не давал отдохнуть, внезапно появлялся в камере и постоянно тормозил, требовал и вечно был недоволен результатами работы. И вдруг всё затихло. Проходили дни, последнее задание давно уже было выполнено, но учитель и не думал возвращаться. Блеклый персонаж – Дмитрий Олегович прозвал его «синтетический человек» – исправно появлялся в камере и приносил еду – где-то примерно два раза в день. Но день это был или ночь – неизвестно.

Летом Эрикссон расщедрился и выпускал своего раба походить на травке в любое время. Но в какой-то момент – безо всякой причины – эти прогулки закончились. Потом в коридоре вновь появилась стена. А теперь исчез учитель, исчезла связь с миром.

Где находится эта светлая сухая комната без окон, день и ночь освещаемая лампой дневного света? В недостроенном здании на окраине Петербурга? Или в космическом корабле, несущемся сквозь пространство? Или глубоко под землёй? Или в специальном каком-нибудь субвремени и субпространстве?

Дмитрий Олегович отковырял в туалете кусок кафеля и выцарапывал на оштукатуренной стене не то завещание, не то поэму. Писал, зачеркивал. Снова писал. Когда он засыпал, приходил, вероятно, синтетический человек и убирал следы его творческой активности, а заодно и орудие письма. Но пленник упрямо находил тот самый кусок кафеля, наскоро приделанный к стене туалета в третьем слева ряду, ближе к сливному бачку, и всё повторялось.

А может такое быть, что Эрикссона без предупреждения перевели, например, на третью ступень? И он забыл всё, что было раньше? И забыл выпустить на волю своего раба. На волю выпустить, или убить, или распорядиться им более рационально.

Годы будут сменять друг друга, а он, всеми забытый, останется тут. Зарастёт бородой, как узник замка Иф. Истлеет его одежда, но кого стесняться, если никого здесь нет? Синтетический

человек – не в счет. А однажды он всё-таки умрёт. Умрёт, так и не воспитав ученика, и будет наказан, в соответствии с шемоборскими правилами.

Испытание бездельем оказалось самым страшным наказанием. Одиночество – вовсе не одиноко, если тебе есть чем себя занять. Любое дело, пусть вымышленное, пусть мелкое, объединяет человека с теми (или с тем), кто, может быть, воспользуется результатами его труда – пусть со скуки, от нечего делать, но воспользуется же, и словно протянет ему руку. Теперь единственным результатом существования были иероглифы на оштукатуренной стене, которые исчезали, стоило только заснуть.

День клонился к вечеру. А может быть, ночь уже давно вступила в свои права. Или наступило утро, какое-нибудь обычное серое утро. Выйти бы хоть ненадолго на поверхность, посмотреть, какое нынче время суток, какое время года и светит ли по-прежнему это беспощадное солнце, или снег уже укрыл всю землю, дни съёжились от холода, а ночи удлинились?

– Да выйдешь ты скоро, выйдешь, – послышался за спиной знакомый сварливый голос.

Дмитрий Олегович обернулся. На стуле (неизвестно откуда появившемся) сидел Эрикссон. Нога на ногу, острый носок не знавшего грязи ботинка чертит в воздухе геометрические фигуры разной сложности.

– Вы за результатами последнего задания? – спросил бывший ученик так, словно они расстались вчера. – Я придумал пару вариантов.

– Забудь о них. Это была обманка. Твоё время вышло.

Всё-таки смерть. Это лучше, чем ещё несколько десятков лет заточения. Но ученика он всё равно не воспитал. А значит – наказание. Снова наказание, опять, сколько уже можно?

– Обучение закончено, – продолжал Эрикссон. – Осталось только сдать экзамен – и ты свободен. И я свободен.

– Куда – свободен?

– Туда! – неопределённо махнул рукой учитель. – Туда, на волю, к живым человекам. Откуда я тебя взял сюда, в этот инкубатор. Чтоб довоспитать. Ты же угрожал меня до того, как ума-разума набрался. Пришлось вот...

– Свобода? Совсем?

– Не раньше, чем сдашь экзамен.

– Пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что?

– Ты ведь напростишься, – беззлобно проворчал учитель, – что пойдёшь и принесёшь как миленький.

– Извините, – непонятно за что извинился Дмитрий Олегович и присел на свою койку.

– То-то, – ухмыльнулся Эрикссон и, размахнувшись, как при игре в фрисби, бросил ему через всю комнату листок бумаги.

Ученик поймал «летающую тарелку» и вопросительно посмотрел на учителя.

– Твой экзаменационный билет, – пояснил тот. – Читай.

Дмитрий Олегович послушно развернул сложенный пополам плотный листок бумаги и прочитал отпечатанный на машинке текст:

– «Первая часть вмещает в себя всё, в том числе и вторую. Вторая зачастую бывает больше целого. Искомое названо в честь того, что названо в честь него. Впрочем, то, в честь чего оно названо, непременно отыщется внутри».

Он повертел «билет» в руках, поскрёб ногтем, даже попробовал на зуб. Никакого продолжения, никакого пояснения.

– Что это? И что мне с этим делать?

– Угадывать. Можешь начать прямо сейчас, а я послушаю. Когда найдёшь загаданное «то, не знаю что», получишь его в подарок.

– Так это загадка? Одна часть больше другой и часть названия находится внутри? Складная зубная щетка? Спичечный коробок? Давайте не будем играть в детские игры. Вы отпуска-

ете меня? Чудесно. Я не имею к вам никаких претензий. Я был неправ. Вы благородно простили меня и сохранили мне жизнь. Этот урок я никогда не забуду. Какие ещё приличествующие случаю слова я забыл сказать? Скажу любые, только давайте без этих формальностей.

– Давайте без формальностей. У тебя в руках – экзаменационный билет. Или шифр. Или – подсказка. Времени у тебя – достаточно. Торопить не буду. Как только разгадаешь загадку, останется устный экзамен. И ты свободен.

– А может, сразу устный экзамен?

– С этим не ко мне. Когда решишь задачу, тебе откроется...

– Истина! – не удержался Дмитрий Олегович.

– И стена. И потолок. Всё, что хочешь, откроется. В конце пути тебя будет ждать один очень полезный человек. Он любое желание исполнит. Если ему правильно заговорить зубы. А это ты умеешь.

– Вы хотите сказать, что в этой тарабарщине про части целого есть какой-то смысл? Давайте я лучше... ну ещё пару недель послужу вам мальчиком для битья, чем ребусы разгадывать.

– Неделя в моём понимании – это лет примерно пятьсот по человеческим меркам. Выдержишь? Может и выдержишь. Но я тоже, знаешь, не железный. Мёртвый – но не железный. Видеть тебя больше не могу. Так что иди, мальчик, ищи. Как найдёшь – считай, самая трудная часть дела позади. А это – тебе. В подарок. Скажем – магистерская мантия. – Эрикссон вытянул из рукава своей неизменной клетчатой рубашки элегантное пальто цвета туманного питерского утра. – Наступил октябрь, а тебе и на улицу выйти не в чем. Такси будет у ворот через десять минут. Негоже почти специалисту ехать в город на маршрутке.

– Значит, искомое, – Дмитрий Олегович щёлкнул пальцем по «экзаменационному билету», – находится там, в городе?

Не обращая внимания на его вопрос, Эрикссон поднялся на ноги, потянулся, сложил стул пополам, ещё раз пополам и ещё раз, спрятал его в карман и исчез.

Щёлкнула и отворилась дверь камеры. Вошел синтетический человек с подносом, уставленным лакомствами.

«Даже если отравит, – приступая к трапезе, подумал Дмитрий Олегович, – я не в обиде».

Он взял в руку помидор, фаршированный яйцом, в свою очередь тоже чем-то фаршированным.

– Первая часть вмещает в себя вторую, – пробормотал он, откусывая чуть не половину сложного лакомства. И, прожевав, добавил; – А я вмещу в себя всё!

До начала традиционной летучки в кабинете Даниила Юрьевича оставалось ещё около десяти минут, а собрались все, даже Шурик примчался. Да вдобавок принёс с собой последний номер журнала «Невские перспективы», прославивший в веках их с Виталиком анонимное народное творчество.

Всё дело в том, что два этих шалопазя взяли за привычку теряться в родном районе – неподалёку от домика Тринадцатой редакции. Идёт, допустим, Шурик (или Виталик) по переулку. Сворачивает во двор, видит улицу, шагает по ней, а тут ещё один двор... Раз, два, три – заблудился. Где я? Кто я? Зачем я? И главное – почему опять я?

Словом, решили парни облегчить себе жизнь. Заперлись в субботу в кабинете Виталика, с особого разрешения Цианида. Наделали указателей из гнилой фанеры, которую соседи вынесли на помойку. Написали на указателях слова – масляной краской, которую строители других соседей тоже вынесли на помойку. Установили указатели в самых опасных с точки зрения блуждания местах. Для конспирации написали на них следующее: «Невский проспект» (и стрелочка в сторону Невского), «Исаакиевский собор» (и на собор направление) и так далее. Перечислили все достопримечательности, ничего не перепутали, спасибо яндекс-картам. А

путь к родному офису обозначили скромным словосочетанием «Следующий указатель». Украсили под покровом ночи дворы и скверики. И тут же перестали ходить по дворам, заворачивать в переулки и теряться. Но указатели остались. Остались и привлекли внимание Миши Ёжика, который велел своим журналистам провести расследование и опросить самых выдающихся ценителей современного искусства на предмет того, что это – годное творчество или никчёмная подделка? Ценители высказались. Очень смешно они высказались; Шурик, Виталик и Лёва, передавая журнал из рук в руки, на разные голоса читали их реплики. Ценители очень старались, но все попали пальцем в небо. Но они хотя бы старались! А вот журналисты решили не стараться, расследование не провели и потому не узнали, кто и, главное, зачем установил эти указатели. Ха-ха-ха!

– Парни, ну вы прямо очень крутые! – покатываясь от смеха, сказал Лёва, – Самый главный специалист по современному искусству считает, что это свежая мысль! И даёт ей название – партизанский креатив.

– О, у нас ещё масса идей партизанского креатива! – заявил Виталик. – Например, такая. Расписывать стены лозунгами вроде «Миру – мир», «Слава труду!» и так далее. Но только в стиле граффити.

– А идеи, как увеличить продажи книг, которые добрые пользователи выкладывают в Интернет, у тебя нет случайно? – сварливо спросил Константин Петрович. Он не сам по себе злился. Он только что имел разговор с Москвой, и Москва его имела. По телефону. Без взаимного удовольствия.

– Есть и такая идея, – подал голос Шурик. – Надо в каждой книге написать прямо в тексте: «Дорогой пользователь Интернета! Вот ты эту книгу в Интернет выложил (или бесплатно скачал), а в Питере мунги голодают!»

– Но мы же не голодаем, – заметила Наташа.

– Можем объявить голодовку! – ввернула Галина Гусева. – А то на меня сегодня португез с трудом налезла.

– Давайте, – поддержал Даниил Юрьевич, и накрыл кабинет защитным колпаком. – Какая прекрасная идея. А заодно выступим с интервью для Первого канала. Я выступлю и скажу: «Мы, мунги Питера, тайно работающие по адресу такому-то, голодаем и негодуем. Пока мы голодные и слабые, приезжайте, шемоборы, по-всякому нас убивать! Только меня не трогайте, я и так мёртвый уже».

Почувствовав, что вот примерно где-то здесь проходит граница между необязательным трёпом и разговором по делу, сотрудники Тринадцатой редакции затихли.

– Переходим от перспектив Невских к нашим с вами перспективам, – оглядев примолкших подчинённых, сказал шеф. – На склад прибыл мировой супербестселлер «Как стать богатым, стройным и любимым без усилий и затрат».

– Если без затрат, то мы его бесплатно раздавать будем? – уточнила Галина.

– И протянем ноги, – вместо шефа ответил Константин Петрович. – Может быть, стоит просто купить португезу попросторнее и не пытаться посадить всех вокруг на строгую диету?

– Так новая – это затраты лишние, расходы непредвиденные. А голодовка – это заодно и экономия средств.

– В самом деле, – растерянно согласился коммерческий директор.

– Тётя шутит, – шепнула ему на ухо Маша. – Давай, пожалуйста, не будем так экономить наши средства.

Тем временем Даниил Юрьевич продолжал, не обращая внимания на болтунов. Он рассказал, сколько экземпляров книги продано во всём мире, как она помогла легко внушаемым людям стать богатыми, как ещё больше она обогатила самого автора.

– Слоган простой, – закончил он и положил бестселлер на стол, – «Эта книга полностью изменит Вашу жизнь. И Вы никогда уже не сможете стать бедным, толстым и одиноким!»

– Как же надоел мне уже этот простой слоган! – не удержался Лёва. – «Помни, человек! Прочитав эту книгу, ты уже никогда не станешь прежним!» Напугали айсберг «Титаником»! Тогда при рождении каждому на лоб надо прищипливать напоминание: помни, человек! Прожив следующую минуту, ты уже никогда не станешь прежним!

– Видите, вы ещё не читали книгу, а уже дискутируете. Понятно теперь, почему она стала бестселлером? – улыбнулся Даниил Юрьевич. – Ну, едем далее. Наше издательство выиграло очередной тендер на обложку. К следующему сезону будем выпускать «Мёртвые души» с кадром из нового фильма Тима Бёртона.

– Что за фильм? – оживилась Наташа.

– «Мёртвая душенька» называется. По мотивам поэмы Гоголя, сказано в аннотации, – сверившись со своими записями, сказал шеф.

– Ну, понятно, – кивнул Виталик. – Чичикова, должно быть, играет Джонни Депп. А Хелена Бонем Картер кого?

– Душеньку, вероятно! – послышался дребезжащий тонкий голосок откуда-то из недр книжного шкафа. Затем из-за шкафа выбралась плоская двухмерная тень, которая, попрыгав по кабинету и помахав руками и ногами, как физкультурник, постепенно обрела цвет и объём и стала очень похожа на Кастора.

– Здравсьте вам всем! – раскланялся верховный начальник.

Мунги притихли. И даже Константин Петрович, высчитывавший, сколько они с Машей сэкономят, если будут голодать всего неделю, замер и отложил свой калькулятор.

– Вы тут о книгах говорили, извините, простите, – плаксивым голосом начал Кастор, опустил глаза и шаркнул ножкой. Из-под подошвы полетели искры. – Я так плохо разбираюсь в современной литературе. Может быть, вы мне поможете? Я вот тут такую интересную книжку нашел. Вы читали, а?

Он похлопал себя по карманам, крутанулся на пятке, заглянул под стол, вытащил оттуда пухлый том в яркой обложке и передал сидевшему ближе всех Шурику. Тот поставил книгу на стол, так, чтобы остальным было хорошо видно.

– Это не наше издательство, – едва взглянув, определил Даниил Юрьевич.

– Да знаю, что не ваше. А как вам название, а? «Тринадцатая редакция». Ничего не напоминает?

– Ну, подумаешь, редакция, – буркнула Галина. – Мало ли редакций на свете?

– Смотрите, книга стоит перед вами уже полминуты, и никто не удосужился заглянуть внутрь. А я заглянул сразу. И узнал много интересного. О мунгах и шемоборах. О питерском филиале крупного издательства... Ну, по-прежнему ничего не напоминает?

– Там про нас, что ли, написано? – не поверил Виталик. – Так приходит слава мирская, да?

– Она быстро пройдёт, можешь мне поверить. Вместе со всеми радостями этого мира.

– Предатель окопался? – поднялась с места Галина Гусева и окинула коллег тяжелым взглядом.

– Да убить гадину, делов-то, – следом за ней вскочила Марина.

– Не надо никого убивать, – остановил их Кастор, и боевые старушки плюхнулись на свои стулья. – Если уж вы, люди, близкие к книгам, не увидели этого...

– Да знаете, сколько книг сейчас выпускают? – подскочил Лёва.

– Не знаю, – признался Кастор. – Зачем мне это знать? Ну-ка, Константин, ваш выход.

– Двадцать одна и семь десятых тысяч книг и брошюр в год, – мельком глянув в свой кондуит, отчеканил Цианид.

– Ну, это же не так много.

– Это не книг вообще. Это наименований, – пояснил коммерческий директор.

Кастор замолчал, переваривая информацию.

– Как вы тут только с ума все не сошли, бедненькие, – с какой-то брезгливой жалостью сказал он. – Ну, тогда я спокоен. Шемоборы вообще не читают художественную литературу, вряд ли кто-то что-то заметит. Однако я бы порекомендовал вам соблюдать осторожность. Шемоборы – пусть их. Но обычные люди, которые как раз очень любят подобные истории, не должны слишком серьёзно к этому относиться.

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещал Даниил Юрьевич.

– Уж придумайте, сделайте милость, – передразнил его Кастор. – Но я не за этим к вам, люди мои. Посмотрел я ваши отчёты. И остался я очень недоволен.

Это было что-то новенькое. Кастор никогда ещё вслух не заявлял о том, что он недоволен работой питерского филиала. Все прижали уши.

– Отчёты, значит, посмотрел я, – неторопливо продолжал этот мучитель, – и вижу – вы истребили в городе всех годных носителей.

– Что значит – истребили? – испуганно переспросила Галина.

– Что значит – годных? – вторил ей Константин Петрович.

Кастор поплевал на ладони, щёлкнул пальцами и уставился в потолок.

Все проследили за его взглядом. На потолке, как на экране, возникла диаграмма. Раз – и у Кастора в руках уже появилась длинная, раскладная, похожая на антенну указка.

– Да вот смотрите сами, – сказал он и, как заправский лектор, ткнул указкой в самую крупную дольку диаграммы. – Это желания, исполненные в данном городе за отчетный период. Рядом – желания, невыполнимые ни при каких условиях. А это – выполнимые, но неисполненные. Обратимся к ним, они нам сейчас особенно интересны.

Кастор дважды стукнул указкой по «выполнимым, но неисполненным желаниям», и на потолке появилась новая диаграмма – а вернее будет сказать, огромный, полностью заштрихованный круг.

– Эти желания при существующем положении вещей исполнить невозможно, – пояснил Кастор и обвёл круг указкой. – А что это значит? Кто знает?

Мунги притихли, как на годовой контрольной по самому страшному предмету.

– Это значит, что мы сделали всё, что могли, – ответил за всех Даниил Юрьевич.

– Именно, – обрадовался этой реплике Кастор и снова дважды щёлкнул указкой по заштрихованному кругу, – Так что теперь придётся делать то, что раньше вы не могли.

На потолке возникла ещё одна диаграмма, состоящая из трёх неравных долей.

– Это... – Кастор ткнул указкой в самый маленький сегмент. – Про это не думайте даже. Эти желания опасны в данный момент, но они могут стать безопасными – при определённом стечении обстоятельств. И тогда вы сможете ими заняться. Следующий номер – желания, которым не нужно исполняться. Пройдёт время – носитель сам будет рад, что оно не исполнилось. Ну а вот эта, самая большая часть – как раз то, чем вам следует заняться. Категория «КРНГС».

– Что такое «крынгс»? – спросил Денис и приготовился сделать запись в своей тетради.

– Ну... – замялся Кастор.

– Когда рак на горе свистнет – расшифровал Виталик.

– Что-что? – переспросил Константин Петрович.

– Ну да, да, когда свистнет рак, – немного замялся Кастор, – Это я придумал когда-то. Когда ещё был Техником. Так оно и вошло в общий реестр. Это значит, что желание может быть выполнено при сочетании каких-то крайних условий. Каковые условия от нас, мунгов, не зависят.

– Но если они от нас не зависят, так как же мы... – начал было Константин Петрович.

– На этот случай у нас имеется обходной маневр! – объявил Кастор.

– А вы были Техником? А как? Компьютеров ведь не было! – удивилась Наташа.

– В моём распоряжении была электрическая лампочка. Она загоралась с разной интенсивностью, когда я прикладывал к ней контакт. И вот по интенсивности освещения можно

было сделать вывод о том, что же за носитель нам попался. Я для себя нарисовал табличку и определил, какая яркость что означает. А от меня некоторые новые термины... расползлись.

– Когда рак на горе свистнет, – с удовольствием повторил Даниил Юрьевич.

– Это ладно, – махнул рукой Кастор. – Вы ещё не слышали, как мой предшественник придумал обозначать опасные невыполнимые желания.

Виталик фыркнул – он был в курсе.

– Так кто же тот рак, который свистнет на горе? И где находится эта гора? – вернулся к теме Константин Петрович. – Мне так и хочется скомандовать ему: «Свисти!»

– По вашей команде он ничего делать не будет, – нехорошо усмехнулся Кастор. – Но мы наконец-то перешли к сути дела.

С потолка исчезла последняя диаграмма. Кастор вдруг стал серьёзным, подошел к столу, сложил на груди руки и продолжал:

– В вашем городе живёт один почтенный старец. Дедушка такой. Владелец букинистической лавки. Лавка вроде ничего себе, хотя я не очень разбираюсь в книгах, это ваше дело. Но лавка – ладно, будь она хоть трижды убыточным притоном одинокого графомана, всё равно стоило бы обратить на неё внимание. Потому что хозяин, почтенный старец то есть, обладает очень полезным свойством. Если ему случается поверить в какую-то невероятную вещь – она тут же происходит.

Мунги глубоко вздохнули, предвкушая перспективы. Константин Петрович уже мысленно строчил наверх отчёты о проделанной работе.

– Рано радуетесь. Старикан недоверчив настолько, что иногда не верит в очевидное. Да и характер у него неприятный. Но уж если во что поверил – так тому и быть.

– Как же это? – не удержался Денис. – Совершенно обыкновенный человек – обладает такой властью?

– Он не совсем обыкновенный. Он из перерожденцев. Из добровольных перерожденцев.

– Из добровольных? – переспросил Даниил Юрьевич. – Разве не Канцелярия Перерожденных решает такие вопросы?

– Иногда собственная совесть способна вынести приговор пострашнее, чем все судьи и канцелярии и этого, и прочих других миров, – очень серьёзно ответил Кастор. – В детстве наш герой совершил дурной поступок. Убил неповинное живое существо. Все его простили за это, и существо было первым, кто простил. Но он был слишком требователен к себе. И сам себя простить не смог. Он дал себе зарок – снова и снова рождаться человеком и ждать от себя прощения. Он перерождался, ничего не помня о прошлом. Узнавал историю чужого детского преступления. Преисполнялся гневом – и не прощал бедного ребёнка. После чего умирал. Иногда – в довольно раннем возрасте. И всё начиналось заново. Вообразите, каково это – умирать снова и снова и знать, что ты опять не прощён – собой же. Но теперь его мучениям пришел конец. Он примирился с собой. Он простил незнакомого ребёнка и этим простил себя. Сам он об этом ещё не знает, и узнает лишь тогда, когда примет окончательное решение покинуть мир живых.

– А зачем ему эти игры в «верю – не верю»? – спросил Лёва. – Вроде он наказание тут отбывает и при этом творит чудеса.

– Он ничего не творит. Это просто его особенность, доведённая до совершенства. Ещё при жизни – при его первой жизни – он умудрился материализовать то, во что безоговорочно верил. Сейчас он просто попросил добавить себе недоверчивости. Чтобы не перевернуть мир.

– Но он человек? – поинтересовался Константин Петрович. – Или дух? Кто он? И где его место в иерархии?

– Формально он принадлежит к третьей ступени. Но ничего об этом не помнит и потому фактически находится на первой. Постарайтесь вести себя с ним уважительно и аккуратно.

А то знаете – всякое может быть. Даже если силой воли заставишь себя забыть о каких-то умениях из прошлого – в критический момент они напомнят о себе сами.

– Итак, мои люди должны отправиться в букинистическую лавку к недоверчивому старику. Убедить его в том, что желания наших клиентов – выполнимы. И тогда на некой горе свистнет некий рак, и счастья на земле будет ещё больше, – резюмировал Даниил Юрьевич.

У Шурика заблестели глаза: он уже готов был нестись в эту чудесную лавку. А Лёва даже с места вскочил – чтобы опередить его.

– Нет-нет, дорогие мои, так не пойдёт. Бежать к нашему уважаемому букинисту со списком невыполненных желаний, который, к слову, ещё и не составлен...

– Я займусь! – поднял руку Денис.

– Займёшься, займёшься. – кивнул Кастор. – Но даже когда список будет готов – не бегите. Тут торопиться нельзя: это третья ступень, а не букмекерская контора. Вам всем по очереди надо постараться произвести на старика хорошее впечатление. Стать частыми гостями лавки. Говорить с ним о книгах, о литературе, сами придумаете, это ваша работа, не моя. Когда контакт будет налажен – можно приступать к выполнению желаний. Заведите разговор на нужную вам тему, подведите деда к мысли, что это всё – вполне реально, и ждите реакции. Если вы хорошо подготовитесь, он поверит, и дело будет сделано. И помните – не больше одного желания в неделю. Старик недоверчив! Дайте ему возможность быть недоверчивым, и лишь изредка совершать небольшие чудеса.

– Это что, мы теперь будем пастись в букинистической лавке? – спросил Константин Петрович, – А как же работа?

– А работу никто не отменял. Один пасётся в лавке, остальные работают в прежнем режиме. И разведчики не спят. К счастью, желаниям свойственно возникать часто, и скоро у вас, мои хорошие, будет пачка обыкновенных безопасных выполнимых желаний, которыми вы и займётесь. Не забывая про рака на горе.

– Мы не забудем про этого рака! – пообещал за всех Лёва. Картина жизни на ближайшее время была такой чёткой, ясной и понятной, что он даже подпрыгнул несколько раз на одной ножке, прежде чем сесть на место.

– Это адрес букинистической лавки. Клиент почти не выходит оттуда. Там же и живёт, – сказал Кастор и положил на стол клетчатый листок, вырванный из блокнота. На листке что-то было написано от руки.

– У него нет нормальных визиток? – спросил Константин Петрович, – Может быть, свести его с нашей типографией? Или у него просто финансовые сложности?

– Финансовых сложностей у него нет. Потому что он верит в дело, которым занимается. А печатной рекламы не признаёт, как и любой другой. Сам пишет адрес на клочках бумаги и раздаёт тем, к кому испытывает доверие. Ну а уж они приводят к нему новых клиентов. Ну что, голуби, есть ещё вопросы?

– А вы не знаете, как он себя простил? – не удержалась Наташа.

– Ну ты совсем что ли? Кто про такое спрашивает? – толкнула её локтём Галина.

– Тут нет тайны, – отвечал Кастор, – Он не судил ребёнка за проступок. Он пожалел малютку, поставил себя на его место. И понял, что в тот момент убийство живого существа было для него единственным способом не сойти с ума.

– Так можно любого простить, – неодобрительно покачал головой Константин Петрович.

– Можно, – не стал спорить Кастор, – Но не всякий способен поставить себя на место того, кто достоин осуждения, и посмотреть на мир его глазами.

– Вот я пальцами стукнула. Правильно? Теперь можно в бар?

– Это не глухонемой язык! Это защита. Ты её ставишь, а не палец.

– Ладно, я это сейчас не понимаю, давай отложим. Пойдём договор подпишем!

– Тебе ещё не пора.

– Да? А почему тогда я уже два подписала?

– Так, всё. Хватит трепаться с моими нервами. Мы идём в бар.

Очередной урок шемоборского искусства подошел к концу.

Как повезло Ингвару Эрикссону, который взял в ученики простую, старательную, не слишком талантливую деревенскую девочку. Она училась, она верила, что ей помогают духи-покровители, и уж конечно она не прыгала через несколько ступеней, а постигала науку постепенно, от простого к сложному. Анна-Лиза твёрдо знала: если она овладеет этим хитрым ремеслом, то никогда не будет нуждаться в деньгах, сможет жить так, как ей хочется. Но что делать с Алисой, которая с детства живёт так, как ей хочется, и понятия не имеет о том, что такое финансовые трудности, потому что родители в любой момент готовы без лишних вопросов выслать ей любую сумму. Алиса интуитивно играет с носителями желаний, как опытный шемобор, потому что это ей интересно. Зато не понимает элементарных вещей. Не то, что защиту поставить – она даже не может оформить документы в соответствии с вековыми традициями! Кому рассказать – это милое создание дважды подписывало один и тот же договор, потому что в первый раз она заполнила его так, что сама потом не смогла разобрать – где здесь желание, где информация о носителе, а где – служебный шифр.

Всё лето Анна-Лиза и её ученица колесили по Европе. Оказалось, что защита, под которой так ловко можно укрыться от посторонних глаз – идеальное средство от папарацци, назойливых кавалеров и прочих нежелательных знакомств. Но именно её, эту полезную во всех отношениях защиту, Алисе так и не удавалось освоить.

Отчаявшись вдолбить что-то в эту красивую, но избирательно толковую голову, Анна-Лиза привезла ученицу в Москву. Здесь все знали в лицо недавнюю героиню светских скандалов и сплетен, здесь, чтобы не угодить на первые полосы желтых газет, Алиса должна была научиться плавать, как человек, которого выкинули из лодки на глубину. Но тщетно. Не раз и не два Анна-Лиза, как заботливая нянька, прибегала на помощь в самый последний момент. Папарацци, уже подсчитавший, какую сумму он запросит за кадры «Алиса Владимирская танцует на стойке бара фривольные танцы», опускал фотоаппарат, оглядывался по сторонам, и видел только изменчивые тени.

Они спустились в гостиничный бар и заказали коктейли, а Анна-Лиза – ещё салат и сэндвич, чтоб немножко утолить голод.

– Как ты можешь пить и при этом держать защиту? Я не понимаю! – воскликнула Алиса. Защиту было невозможно объяснить словами, увидеть со стороны, разложить на составные части, освоить в деталях, проследить в развитии. Она либо устанавливалась – либо нет.

– Ты же дышишь, когда пьёшь. А я не слышу, когда я ем.

Ну, конечно. А что ещё от неё ждать.

– Может, есть какой-то ещё фокус, а я его не знаю? – дождавшись окончания сэндвича, осторожно спросила Алиса, – Помнишь, как в сказке «Питер Пэн»? Питер учит детей расслабиться и подумать о чём-то весёлом, чтобы взять да и полететь. А дети – не летят. И думают дети – неужели мы недостаточно расслабились и развеселились? Но потом выясняется, что для полёта нужен какой-то порошок с крыльев фей.

– Точно! Нужна моя пудра! Сбегу-ка за нею наверх! – осенило Анну-Лизу.

Алиса легко поднялась с места и вскоре вернулась с золоченой пудреницей в руке.

– Теперь сыпь себе в лицо погуще!

Алиса послушно прошлась по щекам пуховкой и стала похожа на извалявшегося в муке поварёнка.

– Теперь работаем.

Анна-Лиза отпустила защиту. Молодой бизнесмен из Норильска, дожидавшийся в баре деловых партнёров, протёр глаза и очки – перед ним сидела бледная, как Панночка из Вия, Алиса Владимировская!

– Работаем! – повторила Анна-Лиза.

Но фокус с пудрой не удался. А может быть, Алиса просто не до конца поверила в её чудесные свойства.

– Обманула меня, да? – спросила она, вытирая лицо салфеткой. Защита вновь укрыла столик. Бизнесмен из Норильска повторно протёр очки и глаза, и вернулся к чтению мужского журнала.

– Не сработало. Но мы делаем все возможности! – констатировала Анна-Лиза, и вернулась к салату.

– У меня появилось сомнение. Ты нарочно хочешь быть на всех устах, – через некоторое время сказала она, – Ведь не смерть же тебе грозит на газетной полосе!

– Тебе было бы приятнее, если бы меня из фоторужья насмерть щёлкнули? – удивилась Алиса.

Анна-Лиза забарабанила по столу акриловыми ногтями. А что, если?..

Среди шемоборов Европы ходило столько анекдотов про московских мунгов, что впору было выпускать собрание сочинений. Говорили, что они все вместе живут в каком-то старом доме в центре города и считают, что достигли окончательного просветления. Говорили, что их шеф велит называть себя «гуру». Говорили, что они настолько далеки от обыкновенных людей и их простых желаний, что уже не могут понять их, а не то, что исполнить. Говорили, что они принимают к исполнению не все желания, а только самые «высокодуховные», причём уровень духовности определяет шеф-«гуру». Говорили, наконец, что московские Бойцы впали в радикальное вегетарианство, и не только не едят мясного, но и врагов-шемоборов не трогают, а стараются аккуратно и незаметно, окружив заботой и любовью, выдворить их за МКАД. А там уж пусть их хотя бы первый попавшийся волк загрызёт.

Неудивительно, что эти добряки до сих пор не вышли на след Алисы и Анны-Лизы, несмотря на регулярные перебои с защитой.

– Ты поняла, для какого смысла мы это делаем? – попробовала зайти с другой стороны Анна-Лиза.

– Чтоб мужики не пялились. Очень полезно! – отвечала Алиса.

– Чтоб мунги тебя не съели! – Анна-Лиза провела по горлу ребром ладони, показывая, что сделают с ней мунги, после того, как поймают, и перед тем, как съедят.

– Эти зайки разве кого-то убивают? – удивилась Алиса, – Они же пушистые добряшки.

Анна-Лиза глубоко вздохнула, заказала ещё один салат и два сэндвича, и прочитала лекцию о свирепых Бойцах, разукрасив свой рассказ воспоминаниями о личных встречах с этими опасными тварями.

У Алисы засияли глаза. Так значит, помимо игры в шпионов – найди-подпиши-обмани – можно ещё в войнушку поиграть? Как не хватало ей в детстве этих простых радостей! А всё из-за брата-зануды! Но уж теперь, да, теперь она наверстает упущенное!

– Всё, конец обеда, а то лопнут обе щёки, – отправляя в рот последнюю ложку салата, сказала Анна-Лиза, – Сено лошадей не ходит. Нам нужны настоящие Бойцы. И мы к ним поедem. Надо только вспомнить, в какой парковке стоит наша алчная ханума.

– Хищная хохлома! – поправила Алиса.

Анна-Лиза потребовала счет и задумалась. Хорошие Бойцы в Париже – но слишком самоуверенные. Неплохие Бойцы в Гамбурге – но с ними не поиграешь. Ровно шесть часов они будут гонять шемобора по городу, после чего пригласят коллег из соседних квадратов и устроят настоящую облаву. Нечестную. Интересные Бойцы в Лондоне, но там всегда столько шемоборов ошивается – можно затеряться в толпе! Решено – Санкт-Петербург. Тамошние Бойцы

стоят всех разом. И может быть там, при встрече с настоящей смертельной опасностью, Алиса научится ставить защиту? Вот уж действительно – выкинуть из лодки на глубину. А так – она плещется на мелководье и в любой момент может сжутьничать и опереться руками о дно. Ну а если не научится... Всякое бывает – опасная у шемоборов профессия. Может быть, проще найти нового ученика, чем воспитать этого? Хотя будет жалко затраченных усилий.

Солнце скрылось за домами, закончился танец пылинок, но Наташа забыла опустить жалюзи в приёмной – до того ли было после летучки? Воспользовавшись случаем, Виталик и Лёва присели на подоконник, чтобы обсудить новую книгу Йозефа Бржижковского, которая ещё не поступила в продажу, но уже прибыла на склад питерского филиала.

Лёва болтал ногами и иногда одобрительно ударял пяткой по батарее парового отопления. Виталик сгруппировался, обхватил колени руками, но рассказ свой сопровождал такой бурной жестикуляцией, что правая его нога то и дело сползала с подоконника на пол. Он возвращался в исходное положение, но потом, забывшись, вновь начинал размахивать руками, и ситуация повторялась.

– Да сядь ты как-нибудь поудобнее! – не выдержал Лёва и ударил пяткой по батарее так, что по всему дому пронёсся гул, – Ну, дальше. Пока не вижу, чем тут восхищаться. Уже полно было и фильмов, и рассказов о том, что земля – это реалити-шоу для иных цивилизаций. Тут что-то новое сказано?

– Тут под это подведена научная база. Фантастическая, но научная. И совсем не пахнет антиутопией, что приятно. Ну, ты знаешь, что свет звёзд идёт до Земли миллиарды лет. Чем они дальше от нас – тем дальше.

– Ну, знаю. Дальше.

– А дальше так. Инопланетная телестудия, вооруженная мощным телескопом, просто приближается на нужное расстояние к Земле и передаёт в прямой эфир отражение того, в чём нуждаются зрители. Причём, лавируя в пространстве, она, эта студия, сперва может заснять современный концерт на стадионе, потом, отлетев чуть подальше – бои гладиаторов, а потом, возвращаясь домой, зацепить какое-нибудь извержение первобытного вулкана. Таким образом, любой неповторимый, уникальный эпизод человеческой истории можно увидеть на инопланетных экранах в прямом эфире бесчисленное количество раз. Главное, высчитать расстояние, на котором надо ловить свет именно этого эпизода.

– И в этом сюжет? – презрительно спросил Лёва и снова стукнул пяткой по батарее.

– Нет. Сюжет в том, что главный герой выходит на контакт с этими инопланетянами и каким-то образом втирается к ним в доверие. Так, что они сажают его в свою студию и оставляют на приколе, чтобы он мог бесконечно наблюдать отражение самого счастливого и победоносного момента своей жизни. В тот момент ему казалось, что он – король мира, потом всё пошло не так, ну, как обычно бывает, и он скатился в обыватели. А теперь вот он сидит в этой студии, смотрит, смотрит, смотрит и наполняется силами.

– А потом? – уже с интересом спросил Лёва.

– А потом инопланетяне возвращаются – им же работать надо. Герой лежит на полу без сознания. Они заглядывают в телескоп – ничего не видят. Смотрят настройки, меняют направление, меняют курс – и не понимают. Всё в порядке, телескоп исправен. Но куда пропал эпизод, ради которого этот человек здесь оставался? Этого победоносного момента просто не существует!

– Ну и куда он пропал?

– Я думаю, стёрся от бесконечной перемотки туда-сюда. Как песня на магнитной плёнке.

– А может, не было никакого эпизода. А этот человек решил обмануть простодушных инопланетян, чтоб пошпионить за кем-то в прошлом. Но то, что он увидел, снесло ему крышу.

– Может и так. Финал-то открытый.

- Что, старика Бржижковского торопили со сдачей текста, и он не успел финал закрыть?
- Если он так сделал – значит, так надо. Будет необходимо – он сядет и всё заново переписет, и сроки сдачи ему – не указ.
- Ну да, я забыл. Ты же у нас – фанат, – протянул Лёва, – Ну что, может, по кофе?
- А вы, значит, решили вместо работы посидеть, ножками поболтать, да? И языками почесать? – из кухонного закутка выглянул Константин Петрович.
- Ага! – выпрыгнули на середину приёмной сёстры Гусевы, скрывавшиеся до поры за стеллажом с подшивками старых документов, – Попался, вредитель!
- Что за тон, я не понимаю вообще! – смерил их неприветливым взглядом коммерческий директор, – Вы с кем сейчас разговариваете?
- С тобой, вредитель! – ответила Галина, – Мальчики тут новый шедевр обсуждают, а шедевр у нас на складе пылится.
- Короче, когда книгу в продажу пускаем? – конкретизировала Марина, – Магазины спрашивают уже.
- Я скажу, когда! Момент ещё не настал.
- Настал, настал! Москва уже неделю торгует! – прыгнул с подоконника Виталик, и тут же припал на левую ногу – отсидел.
- Мне Москва – не указ! – не глядя на него, отвечал Константин Петрович, – Я сам чувствую, когда наш рынок готов к той или иной книге!
- Чем чувствуешь-то? – ухмыльнулась Галина, – Сердцем? Или чем другим?
- У меня всё просчитано! Когда совпадут все нужные показатели – тогда я дам отмашку.
- Астролог! Чернокнижник! Алхимик! На костёр его, на костёр! – заулюлюкали боевые старушки.
- На костёр мы его всегда успеем, – рассудительно сказал Лёва, ударил пяткой мимо батареи и взвыл, – А вот что будем делать с книжкой, в которой про всех нас написано?
- Константин Петрович сразу посерьёзnel и выставил защиту. Сёстры Гусевы, как почетный караул, встали по обе стороны от входной двери.
- Кто-нибудь успел уже полистать этот пасквиль? – спросил Виталик, выбираясь на середину приёмной – нога его уже отошла.
- Я вот сейчас читаю, – отозвалась со своего места Наташа, – Я там какая-то маленькая девочка на побегушках! А ты, Виталик, бабник и трепло гороховое. А Константин Петрович – жадина и всех несправедливо мучает. А Лёва...
- Я понял. Ты сейчас решила нам всем высказать то, что наболело. Со ссылкой, якобы, на литературный источник, – перебил её Лёва.
- Наташа замолчала и снова уткнулась в книгу.
- Воцарилась тишина. Где-то во дворе плакала чайка, заблудившаяся среди жестяных серых крыш. И тут дверь в коридор приоткрылась, и в приёмную проскользнул Шурик.
- Тут факс мне должны были... С поправками к корректуре, – пробормотал он, – Эй, а что это вы?
- Да вот. Думаем, как поступить с книгой, в которой про нас написано, – пояснила Наташа.
- А может ты, Лёва, сделаешь ей антирекламу? – предложил Константин Петрович.
- Антиреклама сейчас работает лучше, чем реклама, – отозвался тот, – Хочешь, чтоб эту книгу наверняка прочитали – давай, вперёд.
- Но нам же не обязательно с самой книгой что-то делать, – задумчиво сказал Шурик.
- Привет. Ты помнишь, что Кастор сказал? – с нажимом спросил Лёва.
- Привет. Помню. Он сказал, что тему исполнения желаний не стоит так афишировать. Но раз её уже афишируют, то я вижу только один выход...
- Переквалифицироваться в экстрасенсы? – мрачно спросил Виталик.

– Нет, – покачал головой Шурик, – Спрятать дерево в лесу. Довести ситуацию до абсурда. Забросать людей историями про исполнение желаний. Чтобы это уже в анекдот превратилось, чтобы никто даже не задумался – а вдруг такое бывает?

– Вот – сразу видно, хороший работник! – не удержался Цианид, – И обратите внимание – он вышел в приёмную, чтобы забрать факс. То есть – его сюда привёл служебный долг!

«Хороший работник» склонил голову. О том, что после летучки коммерческий директор – по какой-то незначительной причине – назвал его «Саша – сто рублей убытка» – он решил не напоминать.

– Решено! – подытожил Константин Петрович, – Распускаем слухи. Чем нелепее – тем лучше. Ответственные... Да вот, Лёва и Шурик.

– Есть! – козырнул Шурик. Ответственный – так ответственный.

– Разведчика, значит, кидают на передовую, – покачал головой Лёва, – А кто пойдёт в разведку к букинистическому деду?

– А в эту разведку пойду я! – отрезал коммерческий директор, – Вам ничего доверять нельзя.

– Вот тебе раз! – оторвавшись от книги, воскликнула Наташа, – Вы нам опять не доверяете?

– Ты же говорил, что тебе легче живётся и дышится? – напомнила Галина.

– Живётся – да. Дышится – да! Но я всё равно доверяю только себе.

– Точно, точно. Пусть Нострадамус к дедуле шкандыбают. А пока он ходит – мы тут выпьем, закусим, покурим, потанцуем, – потянулась Марина.

– Что это за разговоры? – грозно уставился на неё Цианид, – И что за отношение к делу? Ротозеи беспомощные! Сидят и в ус не дуют. Я как всегда больше всех переживаю, как будто мне больше всех надо!

– То, что ты больше всех переживаешь, говорит только о том, что ты больше всех переживаешь! – заявил Лёва, – А за переживание денег не платят.

Константин Петрович задумался.

– Штрафовать бы вас за то, что вы бесплатно мне нервы треплете, – неуверенно произнёс он, – Ладно, проехали. Я пойду, потому что я уже подготовился. Желаний невыполнимых у нас много, я посмотрел. Составил список. И знаете, какую закономерность нашёл?

– Что за великим тобой никаких невыполненных желаний не числится? – предположила Галина.

– Почему же, числится. И великим свойственно ошибаться. А закономерность в том, что люди эти – для которых рак на горе должен свистнуть – хотят всего и сразу. У них и так всё хорошо. Им очень многое дано. Но им надо больше.

– Это, по-моему, в природе человека, – заметил Лёва.

– Нет, – вмешался Виталик, – В природе человека – совсем другое. Знаете, почему у человека две руки и две головы и жизнь относительно длинная, а у осьминога ногорук восемь, зато живёт он очень мало?

– Потому что природа любит, когда в ней царит разнообразие? – предположил Лёва.

– И это тоже. Но главное – потому что осьминог должен быстро-быстро схватить добычу, схватить любовь всей своей жизни, схватить в охапку детей, схватить задремавшую жену рыбака – и проделать с ними то, что ему велит инстинкт. Пока жизнь не закончилась. А человек может не спешить. Потому что, как сказано в условии задачи, у него только две хватательные конечности, а не восемь. Зато жизнь – длиннее. Сначала он, не торопясь, должен вцепиться в то из своих стремлений, которое к нему ближе. Рано или поздно он им насытится. И тогда – хватать следующее. И так – пока не перехватает всё, что ему полагается. Жизни на это как раз хватит, всё ведь с умом отмерено. Если же человек двумя своими коротенькими ручонками за раз попытается захватить всё и сразу – уронит, потеряет, надорвётся и останется ни с чем.

А жизнь впереди ещё дли-инная. Впору в петлю, или в бутылку, или в другой скоростной экспресс, без остановок мчащийся к станции «Смерть».

– Помчусь и я, – подвёл итог коммерческий директор, – А вы тут без меня не шалите.

Константин Петрович вышел из особнячка Тринадцатой редакции и быстрым шагом двинулся в сторону Невского. Троллейбусы шли косяком – видимо, выше по течению рассосалась огромная пробка. Первый же троллейбус домчал его до Малой Морской улицы, где снова угодил в пробку. Зато высадил торопливого пассажира аккуратно напротив нужного дома.

Константин Петрович спустился на несколько ступенек вниз, ещё раз сверился с адресом, написанным на клетчатом листке, отворил тяжелую деревянную дверь и вошел в полуподвальное помещение. Дверь за его спиной бесшумно закрылась. Ни брэнчания колокольчика, возвещающего продавца о том, что пришел покупатель, ни даже лёгкого щелчка.

В букинистической лавке пахло, как в библиотеке, которую Костя часто посещал в средних классах школы. Запах старых книг не спутаешь с запахом новых – кажется, что с годами они набираются мудрости, и, например, «Евгений Онегин» 1964 года выпуска знает о жизни несравнимо больше, чем «Евгений Онегин», только вчера вышедший из-под типографского прессы.

В глубине помещения, чуть наискосок от входной двери, располагался тёмного дерева широкий длинный прилавок, очень похожий на те, какие Костя видел в старых фильмах. За таким прилавком легко представить аптекаря-алхимика, смешивающего зелья по рецептам брата Лоренцо. Но сейчас там не было никого. В углу подразумевалась скрипучая лестница, ведущая на второй этаж, но лестницы почему-то не было, на её месте высился массивный стеллаж с книгами, макушкой упирающийся в потолок. Пол был устлан желтовато-серым линолеумом. Всё свободное пространство занимали книжные шкафы разного вида. Здесь были застеклённые витрины с мигающими огоньками сигнализации – мимо этих витрин Константин Петрович прошел, не дыша, и не глядя на шедевры, что были выставлены там. Были и обычные книжные полки, какие в Костином детстве имела в своём доме любая семья. Здесь и книги стояли знакомые – вот Жюль Верн, на которого в библиотеке записывались за полгода. А вот – Дюма. Как кипарисы, возвышались длинные узкие шкафчики, изготовленные, видимо, по специальному заказу. Константин Петрович подошел к одному из таких шкафчиков и с удивлением и каким-то детским восторгом обнаружил, что весь он – от пола до потолка – заставлен томиками «Золотого телёнка» разных лет выпуска.

Под потолком зажужжала лампа дневного света. Константин Петрович задрал голову вверх и тут же услышал голос, словно усиленный многократным эхо:

– Вот и я!

Коммерческий директор оторопело поглядел в сторону прилавка. На месте продавца, как ни в чём не бывало, сидел крепкий старик с надменным лицом и густой седой шевелюрой и вязал носок. Приглядевшись, Константин Петрович заметил, что старик облачен в коричневый – под цвет прилавка – махровый халат.

– Здравствуйте. Вы в первый раз здесь, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнёс хозяин.

– Здравствуйте, – учтиво ответил посетитель, – Сразу признаюсь, что ничего покупать не буду. Я, понимаете, работаю в издательстве. И пришел сюда... ну, в некотором роде, как в музей.

– Да, пожалуйста, смотрите. Если что-то интересно – спрашивайте меня, – ничуть не рассердился владелец букинистической лавки и вернулся к своему вязанию. А Цианид выиграл несколько минут на то, чтобы собраться с мыслями.

Старичок, должно быть, тот ещё жук. И действовать с ним с наскока не получится. Лучше для начала рассказать про себя побольше правды, да потихоньку выпрашивать о нём. Глядишь, что-нибудь и наклонится.

– Я смотрю, у вас не очень много покупателей, – откашлявшись, произнёс Константин Петрович и подошел к прилавку, – Вы уж простите мою прямоту – а не убыточное ли это дело?

Старик отложил вязание в сторону и внимательно посмотрел на любопытного посетителя.

– Не убыточное, – ответил он, завершив осмотр, – Знающие люди готовы платить за ценные книги хорошие деньги. А я умею достать всё, что когда-либо было напечатано. Даже уцелевшие экземпляры из полностью уничтоженных тиражей.

– Это ваш собственный бизнес? – уже с искренним интересом продолжал коммерческий директор, – Вы не подумайте, я не из налоговой...

– Вы из издательства, я помню, – спокойно сказал старик, – Да, это целиком и полностью моя собственность.

– Хорошо, когда есть своё дело. Ни от кого не зависишь, как я...

Константин Петрович внезапно почувствовал себя маленьким, бедным и очень одиноким галерным рабом.

– Ну-ну, – похлопал его по руке букинист. Прикосновение этой маленькой сухой кисти было лёгким, почти невесомым, – Какие ваши годы? Я ведь тоже не сразу... Пришлось хлебнуть всякого.

Он откинулся на спинку кожаного кресла, достал откуда-то из-под прилавка стакан в блестящем подстаканнике, помешал ложечкой чёрный крепкий чай, отпил немного, прокашлялся и продолжал:

– Да, было всякое. Я служил переводчиком и вдобавок работал в музее. Денег не хватало, конечно, зато доводилось прочесть такие книги, какие не всякий мог себе позволить. Но однажды я понял, что жизнь моя должна измениться. Вышел из своего музея и купил лотерейный билет. Первый попавшийся, не помню даже, как он выглядел. Купил и сразу поверил, что главный выигрыш – мой. Никогда не верил в лотереи, а тут вдруг – как молния в погожий день.

– Ох! – выдохнул Костя.

– И мой билет выиграл, действительно выиграл. Вам, молодой человек, и не представить эту сумму, особенно сейчас. Я тоже не могу её уже представить, я и тогда не мог, мне было довольно, что этих денег хватит на то, что я задумал. Я оставил мою комнату в коммуналке племяннице из Казахстана, которую никогда не видел. Ушел из музея. Арендовал подвал на Малой Морской – вот этот самый, в котором мы с вами разговариваем. Перетащил сюда все свои книги и накупил других. Что-то за бесценку отдали соседи. Что-то я приносил с блошиного рынка на Удельной. Потом в этом самом доме, на третьем этаже, умерла старушка, чья-то почтенная вдова, и необразованные алчные наследники вынесли на помойку всю её ценнейшую библиотеку. Что за книги там были! Кое-какие даже с автографами. Вот представьте... Впрочем, да, вы не большой специалист. Вместе с дворовыми мальчишками мы перетащили их сюда, ко мне, пока не начался ливень. Помню, тучи ходили у нас над головой, но я верил, что такие шедевры не должны пропасть; мы бегали вперёд-назад и успели-таки спасти всё. Я, конечно, непедагогично напоил свою команду хорошим портвейном. И с тех пор мальчишки – а они уже выросли – за меня горой. Иногда привозят мне из своих командировок интересные экземпляры. Да, а потом как-то пошло дело. Наверное, потому, что я очень в него верил. А когда веришь в то, чем занимаешься, – не может не пойти. Так сейчас говорят, да?

– Да уж, – кивнул Константин Петрович, вспомнив историю своего собеседника. – Если вы верите в своё дело...

– Абсолютно. То есть на все сто процентов.

– А живёте вы где?

– Тут и живу.

Посетитель с недоумением оглядел книжные полки и представил старика запрыгивающим с подушкой в руках на самый широкий книжный шкаф.

– Ну не здесь, конечно. Там, за дверью, – хозяин указал в дальний тёмный угол помещения. – Там у меня в маленькой комнатке жилище оборудовано. Всё есть – диван, письменный стол. И даже печка. Я мёрзну очень, мне без печки нельзя, хоть у меня там отопление центральное проведено.

– Как же так – вы живёте в подвале, в сырости! Хоть бы комнатку на первом этаже нашли!

– Нашел, если бы хотел. Тем более что книги прекрасно поглощают влагу – особенно старые. Так что ревматизм мне не грозит. Но дело не в ревматизме. А в том, что я должен быть здесь. Здесь, рядом с книгами. Их же нельзя надолго оставлять одних – они как живые. Впрочем, вам, современным издателям, важно лишь, чтобы они приносили деньги, верно ведь?

– Бывают разные издатели, – с жаром ответил уязвлённый коммерческий директор и подумал про себя: «Вернусь – велю тут же пускать в продажу нового Бржижковского!»

– Бросьте, молодой человек, все на один покрой. Я заметил, что современная книга, внешне совсем не меняясь, переживает ряд удивительных превращений. Для автора она – любимое дитя, или целый мир, или отдельное живое существо. Для издателя – брошенное в землю зерно. Из которого, при хорошем уходе, может вырасти ветвистое дерево, увешанное золотыми монетами. А может не вырасти ничего. Для магазина книга – прямоугольный раскрашенный предмет из бумаги и картона, который занимает столько-то места на полке, стоит столько-то, приносит столько-то прибыли и ничем не отличается от других подобных предметов. Для читателя книга – снова целый мир или живое существо. Но если автор хорошо знает этот мир, это существо, потому что знакомился с ним постепенно, видел его прорастающие контуры с каждым днём всё явственнее, то читатель падает в него, как Алиса в кроличью нору. Наверное, из всех участников этой цепочки больше всех повезло читателю.

– Вы прекрасно осведомлены! – воскликнул Константин Петрович.

– Чтобы понять историю, необходимо пристально вглядываться в современность, – непонятно сказал старик и снова отхлебнул чаю.

Посетитель притих и ещё раз с удовольствием вдохнул запах старых книг. Те, что стояли над головой у букиниста, почему-то пахли печеньем. Казалось, сейчас он возьмёт, не глядя, первый попавшийся томик, обмакнёт в чай и съест. Но этого, конечно, не произошло.

Повисло молчание. Хозяина оно, казалось, совсем не тяготило – здесь, в полуподвале, окруженный своими книгами, он привык молчать. Но деятельный ум коммерческого директора Тринадцатой редакции приказывал ему приступить к делу, ради которого тот сюда пришел. Цианид поглядел вокруг, отыскивая тему для разговора. Опустил руки в карманы. И вытащил – лотерейный билет! Он уж и забыл про него. На прошлой неделе или ещё раньше он получил его на сдачу, как ни пытался вызвать к совести кассира, не имеющего права так нагло втюхивать покупателю то, что ему не нужно.

– Мне никогда не везёт в лотерею, – сказал он вслух и повертел в руках блестящий прямоугольник. – Зачем только они мне этот билет подсунули? Вот вы – верите, что я могу хоть что-то выиграть?

Букинист испытующе поглядел на посетителя. Потом взял у него из рук билет, рассмотрел со всех сторон и вернул обратно со словами:

– Верю. Вам должна улыбнуться большая удача. Вот, возьмите монетку и сотрите поскорее защитный слой.

Дрожащей рукой Константин Петрович вцепился в тёплый блестящий пятак ещё советских времён и начал неумело скрести по поверхности билета. Постепенно проступили буквы «Главный выигрыш».

– Главный выигрыш, здесь написано – главный выигрыш! – воскликнул Цианид. Глаза его загорелись.

– Видите, как славно, – фольклорно улыбнулся старик и потянулся к вязанью. – Теперь бегите за своим выигрышем, да поскорее. Пока везение вас не покинуло.

– Да, да! Спасибо вам! – уже с порога крикнул Константин Петрович.

Открылась беззвучно дверь, выпуская его на шумную улицу, пахнущую ветром и бензином. Солнце едва пробивалось из-за туч, по всем признакам намечался небольшой дождь – должно быть, осень всё же вспомнила о своих прямых обязанностях.

Таксист был слишком похож на «синтетического человека», приносившего еду, и потому Дмитрий Олегович не особенно рассчитывал на то, что его в самом деле выпустят в большой мир на поиски загадочного «целого». Но автомобиль въехал в город, и водитель вежливо поинтересовался, куда пассажир держит путь.

Пассажир попросил остановиться на обочине и дать ему время на размышление.

Итак, исходить надо из того, что есть. А есть у него загадка, которую он по дороге почти что выучил наизусть, но так и не смог разгадать.

Э, да ладно, что он теряет? Эрикссон же сказал, что искать можно сколько угодно, а значит, можно ошибаться и пробовать. Надо только начать. Но начинать тоже надо с чего-то. А в голове на разные лады крутилась одна лишь фраза: «Только лошадь и змея – вот и вся его семья».

Так ничего и не придумав, Дмитрий Олегович сказал водителю:

– Едем в центр. Я скажу, когда остановиться.

Он усмехнулся – слишком уж напомнил себе персонажа Савелия Краморова из «Джентльменов удачи», восклицавшего «Кто ж его посадит? Он же памятник!»

Ладно, это к делу отношения не имеет. Самое непонятное – вторая часть, которая «бывает больше целого». С неё и начнём. Больше целого... А не постамент ли памятника имеется в виду? «Чижик-пыжик» на Фонтанке, к примеру? Его постамент – вся набережная, а сама птичка – крошечная. Такси притормозило на светофоре. Из соседнего авто выглянула брюнетка с такими глазами, что Дмитрий Олегович на какое-то время позабыл и о чижики, и о загадке учителя. Брюнетка напомнила ему красавицу Лауру из фильма «Маленькие трагедии». «Жил на свете рыцарь бедный...» – промурлыкал он про себя. Да уж, не надо было Гуану искать кого-то, кто лучше Лауры, – тогда бы и Каменный гость остался на своём месте. «Жил на свете всадник медный...» – переиначивая слова, тихонечко пропел Дмитрий Олегович. Любил Александр Сергеевич памятники оживлять.

А что, если? Допустим, композиция из Петра, коня и змеи – это первая часть. Ага, ну, допустим. А постамент – то бишь Гром-камень, он же осколок скалы, – вторая. Скала – некая абстрактная, скала вообще – может быть больше памятника, да простит Пётр Алексеевич такие дерзкие мысли. А значит, может найтись такая скала, которая будет превосходить размерами целый памятник вместе с постаментом (ещё раз простите, ваше императорское величество). Искомое – собственно, «Медный всадник» – получило это название в честь одноимённой поэмы Пушкина, которая, как раз названа в честь памятника. Осталось только понять, что там внутри... И тут – молнией осенила отгадка. Конечно! Отец рассказывал, как один его приятель участвовал в реставрации всадника ещё в семидесятых. И внутрь, в саму статую, реставраторы поместили капсулу со своими именами и свежую газету. А в газете может быть опубликован фрагмент поэмы «Медный всадник»? Да запросто. В честь окончания реставрации великого шедевра Фальконе. И тогда сходится абсолютно всё! Ай да Маркин!

– На Сенатскую, к Петру, – распорядился он.

– Вас подождать? – предупредительно спросил синтетический таксист. – Всё оплачено.

– Ну подождите, – неуверенно отвечал пассажир.

Он вышел на улицу и удовлетворённо отметил, что солнце, ещё днём блесевшее на небе, как пошлый масленичный блин, скрылось за тучами. Шемобор торопливо зашагал вперёд, чтобы найти новые подтверждения своей догадки.

Всё пространство вокруг Медного всадника было огорожено. Тут и там можно было увидеть то человека с видеокамерой, то гражданку с мегафоном, то группу людей, устанавливающих свет или тянущих провод. На большом грузовом фургоне лаконично значилось «Лен-фильм», и подсвеченный нарисованными софитами силуэт Медного всадника чернел на нём, как тень от памятника.

Но теней никаких не было – солнце скрылось окончательно и начал накрапывать дождь.

– Я верил, я верил, что дождь будет скоро! – крикнул в мегафон высокий бородач в ярко-желтой ветровке. – Ну-ка, приготовились. Мне нужны Борис и китайцы!

Дождь усилился.

«Верил, значит? Он верил – и дождь пошел», – отметил про себя Дмитрий Олегович. Сейчас, когда разгадка была почти у него в руках, он готов был притягивать за уши любые факты. То, что осенью дождь в Санкт-Петербурге идёт довольно часто, его не смутило.

Он выставил защиту и затесался в толпу статистов.

Дождь полил ручьём. Над техникой уже были растянуты тенты, массовка побежала к автобусу. Высокий худой блондин в узких чёрных подтяжках и в белой рубашке, заправленной в джинсы, спрятался под зонтиком летнего кафе. Самого кафе поблизости не было – видимо, зонтик служил декорацией.

Но бородачу в желтой ветровке было не до зонтика. Он уже мячиком скакал по другую сторону памятника, внушая какому-то Борису, что тот должен обогащать роль, а не бубнить по тексту.

Дмитрий Олегович обогнул памятник и подошел поближе.

– Мотор! – махнул рукой обладатель желтой ветровки.

Подвижный толстяк с очень знакомым лицом повернулся в сторону противоположную той, куда указывал своей рукой бронзовый Пётр, и озабоченно пробормотал: «Теперь пора...»

– Китайцы побежали! – выкрикнула желтая ветровка.

Словно из-под земли выскочила группа китайцев в разноцветных футболках. Они бежали, спотыкались, пытаясь на ходу раскрыть разноцветные же складные зонты. Зрелище было настолько нелепым и комичным, что даже Дмитрий Олегович не удержался от смеха. Однако, остальным участникам было не смешно. Вероятно, дубль этот снимали не в первый раз.

– Стоп машина! – крикнула желтая ветровка, – Всё не так. Не верю. Лизанька, милая, объясните мне, ну откуда вы понабрали этих бесперспективных культиков?

От группы, скрывавшейся под тентом, отделилась женщина в кожаной куртке комиссара.

– Это студенты. Китайские студенты. Они учатся в университете. Моя подруга им преподаёт. Прислала их бесплатно, обещала практику зачестить.

– Бесплатно, значит. То-то я вижу, они так и работают, как им заплатили. Никак! Вяло! Безынициативно! Не обогащают свои роли!

– Порфирий Сигизмундович, вы сами говорили об экономии. Вот мы и сэкономили на массовке.

– На мне! На мне вы сэкономили! – возопил Порфирий Сигизмундович. – На моих несчастных нервах. Так, ладно, этих уже обратно не родишь, придётся работать с тем, что есть.

Режиссёр подошел к разноцветным китайцам и начал им что-то внушать, размахивая руками.

– Боря, коньяку выпьете? – спросила Лизанька у подвижного толстяка – и тут Дмитрий Олегович узнал его, и снял защиту. Ему, циничному шемобору, не знающему страха, не ведающему жалости, лишенному радости испытывать многие простые человеческие чувства, вдруг

захотелось, чтобы этот человек, которого он прежде видел лишь на экране телевизора, обратил на него внимание, подошел к нему и они бы по-дружески поговорили о пустяках. Но знаменитый артист не заметил его – видимо, он думал над тем, как обогатить роль.

Порфирий Сигизмундович вернулся от китайцев и объявил очередной дубль.

На этот раз бесплатные студенты бежали сносно, зато Борису было велено «не пороть отсебятины и идти по сценарию».

Борис делал шаг и на все лады твердил «Теперь пора...»

Студенты всё бегали и бегали, они так наловчились раскрывать на бегу зонты, что это уже больше походило на современный танец, а не на стихийное бегство от дождя. Но Порфирий был недоволен.

– Это что ещё за цирк китайских фонариков? Не надо вот этого автоматизма!

Чтобы взбодрить китайцев, он вдруг кинулся им наперерез, рыча и размахивая руками, то и дело восклицая: «Я дракон!! Я дракон!!» Вместо того чтобы бежать от него ещё шибче, студенты остановились, побросали зонтики, и захохотали, уперев руки в колени.

Режиссёр бушевал и рвал на себе ветровку.

Лизанька принесла ему коньяка и валидола. Коньяк он взял, от лекарства отказался.

Вымокшие насквозь статисты смотрели на него с завистью.

– Так, а что у нас массовка в таком виде? – наконец спросил Порфирий Сигизмундович, указывая на китайцев, – Они же до нитки промокли. Зачем им теперь зонты раскрывать, зачем бежать? Не верю я им! А ну-ка, переоденьте их и высушите феном!

Студенты припустили в сторону автобуса.

– Вот так надо бежать! В следующий раз так и бегите! – крикнул им вслед режиссёр, а потом повернулся к длинному худому человеку в подтяжках, скрывающемуся под бутафорским зонтом: – Теперь твой эпизод.

Худой с неприязнью посмотрел на Порфирия.

– Давай, давай, вылезай, – не глядя уже на него, ответил режиссёр и повернулся к знаменитому толстяку: – Вы, Борис, гениально сегодня выступили. Впрочем, как и всегда. Не смею больше подвергать опасности ваше драгоценное здоровье.

Артист молча пожал плечами и удалился под тенты.

Зябко ёжась, обладатель подтяжек выбрался из-под спасительного зонта под холодный октябрьский дождь.

– Вот, вот, хорошо! – подбадривал его режиссёр. – Пока я тебе верю. Камера!

Эпизод, на взгляд Дмитрия Олеговича, был пустяковый: персонаж топтался на месте, глядел куда-то вбок, вытягивал шею, делал попытку дать дёру, но потом снова возвращался на место и опять глядел вбок. Но капризному Порфирию снова что-то не понравилось.

– Ты промок?

– А вы что, не видите? – огрызнулся обладатель подтяжек.

– Нет! Не вижу! Я тебе не верю! Ты не промок, ты обмочился – и переминаешься с ноги на ногу! Ну выругайся хотя бы! Ты швед? Ругайся по-шведски. Ты промок, но полон решимости идти до конца. Обогащай роль! Будь художником, а не марионеткой!

Он дёрнул артиста за подтяжки. Худой «швед» нелепо взмахнул руками, и чуть не полетел в грязь.

– Ну, разозлился! Давай, крикни «перкеле» какое-нибудь!

– Перкеле – это по-фински, – не выдержал Дмитрий Олегович и сделал шаг вперёд.

– Да-а? – с интересом взглянул на него режиссёр. – А по-шведски как?

– Jävlar vad det regnar!

– Ну и что это значит?

– Что-то вроде «Чёрт побери, пошел дождь».

– И всего-то?

– Для шведа это звучит как для нас. – Он сделал несколько шагов вперёд и прошептал пару фраз режиссёру на ухо.

Порфирий довольно ударил себя руками по бокам.

– Запомнил? – строго спросил он у «шведа», а потом, повернувшись к незнакомому умнику, передал ему свой айпад, – Ну-ка, запиши для меня, как это пишется и как произносится, он же ни черта не запомнил, по глазам вижу. И то, что ты мне по-русски нашептал, – тоже запиши!

Дмитрий Олегович прилежно записал и то, и другое. Звучное ругательство, которому ещё в школе обучил их с Джорджем один хулиган, по-прежнему имело успех у публики.

– Значит, стоишь, мокнешь тут – и бормочешь себе под нос эту абракадабру, – приказал режиссёр обладателю подтяжек.

– Но этого нет в сценарии! – робко возразил тот.

– И что? Теперь – есть. Ну-ка, впиши в сценарий, – повелительный жест в сторону Лизаньки. – Как они мне надоели все, – это уже неожиданному единомышленнику, Дмитрию Олеговичу.

– Отдохнуть бы вам, – задушевым тоном сказал тот, – Давайте посидим где-нибудь. Я вас по-шведски научу ругаться. По-фински вы и без меня умеете.

Режиссёр поглядел на небо. Поглядел на посиневшего от холода «шведа». Поглядел на Лизаньку, выискивающую в распечатке сценария свободное от карандашных пометок место для того, чтобы вписать очередные изменения. Поглядел на Бориса, привалившегося к обогревателю и задремавшего под тентом. И согласился.

Продолжить знакомство решено было в ближайшей рюмочной на Галерной.

Дмитрий Олегович уже предвкушал победу – да что предвкушал, она была уже у него в кармане.

– А с французским у вас как? – спросил режиссёр. – У нас консультант какой-то... Пьющий очень. Он когда консультирует, а когда в автобусе спит.

– Нет, французского не знаю.

– Жаль, жаль. А я-то поверил, что вы – моё спасение от этой банды недоумков, – всхлипнул Порфирий Сигизмундович и заказал рюмку водки и стакан чёрного чая.

При слове «поверил» шемобор прислушался к себе и попробовал подумать по-французски. Ничего, кроме «Пуркуа бы и не па?», в голову не приходило.

Дальнейший разговор ещё больше разочаровал его.

– Верю! Верю! Верю! – на все вопросы отвечал режиссёр, ставший вдруг милым и ручным, как объевшийся сметаны дворовый котёнок. Но небо не падало на землю, и свиные рыла не заглядывали в окна, и золотые монеты не высыпались из перевёрнутого вверх дном, опустевшего стакана.

– А верите, что я – шах персидский инкогнито? А что нам сейчас в подарок от заведения бутылку шампанского принесут? А верите, что у меня в кармане – волшебное кольцо?

– Верю! Верю! Верю! Мне так хочется верить вам...

Всё это было лишь досадным совпадением. Да и не мог Эрикссон знать, что неугомонный Порфирий Сигизмундович будет снимать эпизод возле Медного всадника именно тогда, когда Дмитрий Маркин окажется рядом. А если не праздновать преждевременную победу и внимательно перечитать условия задачи, то искать «товарища лектора» надобно всё же «внутри», а не «около». А кто может сидеть внутри фигуры Петра?

Тут скорее подойдёт мим, одетый Медным всадником и изображающий его где-нибудь на Дворцовой, если, конечно, такие мимы уже появились в Санкт-Петербурге.

Хотя... Внутри фигуры лежит газета и капсула с фамилиями реставраторов! И для того, чтобы узнать эти фамилии, совсем не обязательно разрушать статую, достаточно произвести соответствующие изыскания.

Порфирий Сигизмундович совсем расклеился и готов был уже поверить в то, что случайный знакомый, этот прекрасный специалист по шведским и русским ругательствам, есть тот единственный, кто предназначен ему судьбою. Это было уже слишком. Расплатившись и выставив защиту, шемобор, неузнанный, вышел из рюмочной.

Когда он быстрым шагом шел в сторону оставленного на набережной такси, навстречу ему попался совершенно полоумный субъект: молодой человек приличного вида нёсся по лужам, теряя штиблеты, весело хохоча и размахивая дипломатом.

«Это твой родной город. Тут всегда так», – успокоил себя Дмитрий Олегович.

А полоумный молодой человек, не останавливаясь, побежал дальше.

То был не кто иной, как Константин Петрович Рублёв, только что – в самый последний момент – получивший свой главный выигрыш.

Он бежал по набережной, он бежал мимо Адмиралтейства. Дождь хлестал его, а он всё бежал и смеялся. И вдруг сверкнула поздняя осенняя молния. Ударил гром. И коммерческий директор понял, что он отвлёкся на обманчивый блеск золотых монет и не выполнил задания, которое сам же себе и дал.

Опустив голову и шаркая ногами, он добрёл до полуподвальчика на Малой Морской.

Дверь бесшумно закрылась за ним. Тёплый сухой воздух окутал его, промокшего и замёрзшего. Он расстегнул плащ и доверился заботливому теплу, как будто исходившему от старых книг.

К счастью, хозяин по-прежнему сидел за прилавком. На этот раз носок он не вязал, но читал что-то массивное, в кожаном переплёте и с ятями.

– Получили выигрыш? – улыбнулся чудесный старик.

– Да! Спасибо! Спасибо вам!

– Вы не меня благодарите. Вы себя благодарите. Кстати, а что это торчит у вас из кармана? – ухмыльнулся букинист, тыкая в грудь собеседнику скрюченным пальцем.

Константин Петрович посмотрел туда, куда указывал этот палец.

Дурацкая привычка не выбрасывать рекламные листовки, которые ему дают возле метро, – а вдруг пригодится что-то записать? Что-то маленькое завернуть?

– Уверен, это ещё один выигрыш! – сказал загадочный дедушка и вернулся к чтению.

Константин Петрович достал из кармана бумажку, потом ещё одну и ещё. «Пластиковые окна»... «Суши-пицца на дом»... «Предложение для пользователей услуги "Интернет в кредит" от Баннернет». Так, это про него. «Если номер вашего счета оканчивается цифрами 349, вы можете обменять этот купон на три месяца бесплатного доступа – при оплате четвёртого месяца в центре обслуживания клиентов. Предложение действительно до...» А ведь именно этими цифрами и заканчивается номер его счета. И сегодня – последний день, когда можно получить три месяца бесплатного Интернета.

Константин Петрович посмотрел на часы. Вспомнил, где находится ближайший центр обслуживания. Прикинул, как быстрее туда добраться, – он успеет, если поторопится.

– Вы извините меня, но я побегу, – пятась к выходу, сказал он. – А то всё закроется.

– Всего хорошего! Я верю, что вы везде успеете! – крикнул ему вслед старик и помахал, как платочком, свежесвязанным носком.

Дождь наконец-то вернулся в Санкт-Петербург из долгой командировки и тут же начал наводить порядок: отмывал автомобили, дома, улицы, а заодно и жителей города, если те не успевали от него спрятаться.

Аня заняла свой наблюдательный пост – дальний столик напротив барной стойки «Феи-кофеи». Теперь, когда начался ливень, лучше пересидеть его в помещении. В окошке над головой шагали ноги, стараясь не наступать в лужи. Посетители заполняли зал. За стойкой стояла незнакомка с разноцветными косицами и всем улыбалась. Аня почувствовала лёгкий укол рев-

ности: эта, с косицами, ведёт себя как-то слишком по-хозяйски. А что, если она и он? Нет, нет, гнать такие мысли прочь.

Аня достала из сумки книгу, открыла её на середине. Перечитала страницу вдоль и поперёк, но так ничего и не поняла. Отложила книгу. Снова посмотрела в окно над головой – дождь и не думал прекращаться, ног стало ещё больше, теперь они обреченно шлёпали по лужам, вернее будет сказать, по одной большой луже, в которую превратился тротуар, словно переходили вброд мелкую речку. Но внутри, в помещении, что-то изменилось. Как будто к запахам кофе, корицы, миндаля и кардамона прибавился запах цветущей липы. И запах этот принёс с собой ощущение летнего вечера, прохладного и нежного, а также свободного, спокойного и умиротворённого.

Аня бросила взгляд на барную стойку – ну, точно. Вот он, он вернулся и сменил противную с косицами. Противная исчезла в недрах кафе, а через некоторое время вернулась – без форменного фартука и косынки – и, чмокнув в щёку неприметного очкарика, уселась рядом с ним. У Ани отлегло от сердца, и обладательница разноцветных косиц уже не казалась ей такой неприятной, как минутой раньше.

Дверь открывалась, входили мокрые, несчастные, голодные – и тут же менялись на глазах. Аня не глядела на них, только слышала шорох верхней одежды и лёгкое пощёлкивание сворачиваемых автоматических зонтиков или постукивание по полу зонтов-тростей.

Он стоял на виду у всех, такой загадочный и прекрасный, позволяя любоваться собой, и может быть, даже не догадываясь, сколько глаз сейчас украдкой поглядывают в его сторону. Он взирает перед собой спокойно и безучастно. Но вдруг выражение его лица изменилось, как будто через зал пробежало на водопой стадо розовых буйволов.

Не снимая дорогого пальто и даже не замедлив шаг, к барной стойке подошел посетитель, совсем не похожий на завсегдатаев «Феи-кофеи». Он поставил локти на прилавок, наклонился вперёд и что-то зашептал. Хозяин вынырнул из буддийского величия и олимпийского спокойствия и позволил себе иронически усмехнуться. А в его глазах отразилась целая гамма самых разных чувств.

Аня уронила книгу, не заметила этого, поднялась с места и, как под гипнозом, двинулась вперёд.

Так вот в чём разгадка его задумчивой холодной неприступности! Он ждал своего близкого друга, такого близкого, что ближе не бывает. Почему-то владелец дорогого пальто не вызывал в ней чувства ревности, как обладательница разноцветных косиц (она, кстати, уже ушла в обнимку со своим очкариком). Наоборот, приблизившись к барной стойке, Аня ждала услышать подтверждения тому, что между двумя этими интересными загадочными мужчинами протянулась тонкая, как волос, звенящая, как струна, нить...

«Наверное, он укоряет своего друга за то, что тот так долго был в отлучке, а тот делает вид, что ему не дороги эти отношения, но оба знают, что это не так».

Она подошла совсем близко.

– При чём тут трещины в ногах коня? Копыта у него потрескались, что ли? – спросил в этот момент хозяин кафе.

«Неужели его друг прискакал сюда на коне?» – от неожиданности подумала Аня.

– Конь Петра, медный. Который под всадником. В семидесятых у него начали разрушаться ноги, и лошадке сделали операцию. Мне нужно узнать имя лечащего врача.

– Что, у ненормального шведа потрескался его чугунный лоб?

– Напротив, господин Эрикссон находится в добром здравии и даже готов отпустить меня на волю. Но путь на волю лежит через копыта Медного всадника. Вернее, через то, что спрятано в его брюхе.

Джордж сделал знак официанту. Тот подошел неторопливо.

– Тут человеку срочно нужно что-то найти в Интернете. Найдите ему какой-нибудь ноутбук, ладно?

Официант невозмутимо кивнул, словно он каждый день водил незнакомцев в служебные помещения.

– Благодарю тебя, добрый и щедрый господин, – склонился в поклоне обладатель дорогого пальто и уверенно зашагал вслед за официантом.

К хозяину вернулась прежняя безмятежность. Аня мелкими шагами отступила к своему наблюдательному пункту. Совсем не об этом должны говорить два близких человека после долгой разлуки! Какой конь, почему всадник, зачем какой-то Эрикссон с чугунным лбом?

Но может быть, это тайный шифр? И всё, что она услышала, имеет особый подтекст?

Дождь понемногу утих. Пришла SMS от родителей «Тебя ждать к ужину?». Аня расплатилась (если так пойдёт дальше, то все карманные деньги она будет оставлять здесь) и потянулась к вешалке за своей курткой. Шпионская история, конечно, не так увлекательна, как история запретной любви. Но зато в этом случае у неё есть кое-какие шансы.

Тем временем «шпион» просеивал Интернет сквозь частое сито грамотно сформулированных запросов. Но искомое – список фамилий реставраторов Медного всадника – всё не находилось. У Дмитрия Олеговича на руках был полный перечень заводов и научных организаций, принимавших участие в починке коника. Каждая из этих организаций могла похвастаться прекрасно организованным сайтом. Но ни на одном сайте – ни слова о реставрации памятника. Как будто кто-то вычеркнул из истории людей, доверивших свои имена Медному Петру.

Когда Джордж зашел за другом, чтобы отвести его к себе (у него почему-то не было сомнений насчёт того, где собирается остановиться этот новоявленный краевед), тот рисовал на оборотной стороне каталога фарфоровой посуды какие-то причудливые графики и бормотал себе под нос: «Ижорский завод... Политех... Гагарин... Изохронный циклотрон...»

– Перерыв! – скомандовал хозяин. – У меня дома тоже есть компьютер, и там тебе будет гораздо удобнее – это раз. Два – ты должен попробовать «кумкватовку» и высказать своё мнение.

– С этого «два» и надо было начинать, – сказал гость, перечеркнул график, закрыл все ссылки и выключил ноутбук.

Пару часов спустя оба они, слегка разомлевшие, сидели у Джорджа на кухне. Глаза собутыльников чуть остекленели. Литровая бутылка «кумкватовки» была наполовину пуста.

Дмитрий Олегович всё не унимался – то и дело рвался к компьютеру искать информацию о памятнике.

– Да чего ты прицепился к этому всаднику? Там же не сказано, что это непременно всадник. Дай-ка я своими глазами прочитаю, – потянулся к истрёпанному листку хозяин. – Ну-ка... «Первая часть вмещает в себя всё, в том числе и вторую. Вторая зачастую бывает больше целого. Искомое названо в честь того, что названо в честь него. Впрочем, то, в честь чего оно названо, непременно отыщется внутри». Слушай, да это наверняка какой-нибудь коктейль! «Молотов коктейль» назван в честь взрывчатого вещества, названного в честь Молотова. А?

– Да? И почему вторая часть больше целого?

– С ног валит сильнее. Если смешать как следует шампанское с абсентом и ещё кой-чего туда сыпануть...

– Алхимик! Тебя сожгут на костре инквизиторы из Госнарконтроля! Прямо на Дворцовой площади. Привяжут к Александрийскому столпу, обложат еловыми лапами, оболбуют самогоном – и подожгут.

– Всё законно! Всё чисто! Всё кристально! Как слеза комсомолки. В этом-то вся суть. Использовать запрещённые вещества – это читерство, я считаю. Так любой дурак с полпинка улетит в космос.

– Чи – чего?

– Неспортивно, – перевёл Джордж. – Ещё будешь?

– Буду, буду, куда ж я теперь денусь. Вперёд. К новым спортивным рекордам!

Отложили загадку на тот край стола, который выглядел почище. Затянули хором: «Чижик-Пыжик где ты был? На Обводном водку пил! Выпил рюмку, выпил две, выпил три, четыре, пять. Выпил шесть и выпил семь...» Дальше застопорилось – «восемь и девять» не ложились в ритм, к тому же, собутыльники потеряли счет выпитым рюмкам.

– Стоп! – поднял руку Джордж. – Мне было видение! То не Медный всадник, а Чижик-пыжик! Чижик – это птица. Пыжик – это щенок северного оленя. Маленький такой щеночек, до года. Но по-любому он больше чирика, даже больше памятника. А когда северному пыжику исполняется год, он знаешь как называется? Неблшой. Но это уже не относится к нашей птичке, хоть она и сильно пьющая. Памятник Чижику-пыжику назван в честь песни. А песню сочинили про молодых правоведов, которых чижиками-пыжиками дразнили. За чижиковую шинель и пыжиковую шапку.

– Ну, допустим. А что у этого бронзового правоведа внутри?

– Что-то очень важное. Не зря же его уже раз десять воровали.

– Нет, ерунда это. Я лучше завтра про всадника поищу.

– И правильно. Утро вечера мудренее, – легко согласился Джордж.

– Оно не мудрее. Оно просто другое. Из другой материи сделано. Света и шума больше, таинственных звуков и предчувствий – меньше.

– Но как же... все же... народ говорит...

– Ты же не будешь утверждать, что физика мудренее химии!

– Буду! – не сдавался Джордж. – У меня по химии была пятёрка, а по физике – тройка.

– Это твои проблемы. А на самом деле и физика с химией, и утро с вечером равны по своим интеллектуальным способностям.

– Какие могут быть интеллектуальные способности у времени суток?

– Сам удивляюсь. Но это ведь ты первым завёл разговор о том, кто из них кого мудренее.

Джордж не нашелся что ответить и снова наполнил рюмки. Кумкватовка текла мёдом и молоком, а глаза двух старых приятелей из стеклянных сделались оловянными.

И вдруг как будто кто-то неловко подвинул контрабас, так, что тот застонал и загудел на все лады. «Общее начало» дало о себе знать? Дмитрий Олегович вздрогнул, его друг ничего не услышал и как ни в чём не бывало достал из морозилки сало и стал нарезать его тончайшими ломтиками.

– Анна-Лиза? – вслух произнёс шемобор.

Джордж чуть не отрубил себе указательный палец, отложил нож и, уставившись на друга, зло произнёс:

– Что Анна-Лиза? Оставь хоть ты её в покое. И я не виноват в том, что...

– Конечно, не виноват. Не нужно любой вопрос воспринимать как обвинение во всех грехах и тут же начинать оправдываться. Сперва разберись, в чём тебя обвиняют.

– А меня уже обвиняют? – обматывая пластырем раненый палец, деловито спросил Джордж.

– Нет. Но ты уже оправдываешься, – ответил шемобор и снова вздрогнул – контрабас подвинули в другой раз.

В этот момент Анна-Лиза и Алиса, подпевая группе «20 fingers», въехали в Санкт-Петербург на своей «хищной хохломе».

«Бум-бум-бум!» – пульсировал ритм весёлой и злой песни. А может быть, это сердце стучало?

День второй

Всю ночь шел дождь, а под утро его сменила какая-то невнятица: с неба вроде бы ничего не капало, но влажность была такая, что казалось, будто в воздухе на невидимых глазу ниточках повисли мириады молекул воды. Каждого, входившего в домик Тринадцатой редакции, встречала живописная группа сушившихся на перилах лестницы разноцветных предметов гардероба. Мокрую обувь оставляли на площадке второго этажа. Лёва притащил из подвала обогреватель и поставил в приёмной рядом с диваном. Сёстры Гусевы в приказном порядке подливали каждому в кофе глоток-другой коньяка. Виталик умудрился нацедить себе в чашку больше коньяка, чем кофе, и сидел на диване в позе йога, в закатанных выше колена джинсах, накинув на плечи Наташину зимнюю шаль.

В приёмную за очередной партией корреспонденции выглянул коммерческий директор.

– У нас приличный офис или лагерь беженцев? – оценив обстановку, спросил он. По его безупречному виду нельзя было понять, был он сегодня на улице или нашел способ перемещаться в пространстве с помощью силы мысли.

– У нас на улице – плохая погода, – осторожно напомнила Наташа.

– Цунами? Тайфун? Не заметил. Обогреватель через час чтоб был выключен. Он электричество жрёт как слон.

– Слоны не едят электричество, – тихо сказала Наташа.

– Ну чего, вы слушать-то будете? – привлёк к себе внимание Лёва и потряс в воздухе тонкой пластиковой папкой.

Вчера он не терял времени и поднял на ноги всех знакомых журналистов. Результат – три публикации, посвящённые щекотливой теме исполнения желаний. И это только начало.

Константин Петрович оттаял – Лёвина работоспособность всегда его восхищала. Он присел на краешек дивана, выставил защиту и, так уж и быть, согласился выпить за компанию кофе с коньяком, хоть это и противоречит его правилам, ну ладно, раз налили – не выливать же теперь дорогостоящий продукт.

Лёва раскрыл свою папку, откашлялся и приступил к докладу:

– Для начала – моя главная удача. Самая популярная в стране газета «Таинственные тайны» опубликовала заметку «Голоса в голове». Этой заметкой мы охватываем очень большую аудиторию, кроме того, в Интернете я уже нашел с дюжину перепечаток.

– Что же это за статья такая? – спросила Наташа.

– Вам правда интересно? – удивился Лёва. Коллеги его молча кивнули. – Ну, слушайте. «Жительница деревни Кузово, Алевтина Патрикеева, пошла в лес по грибы. Год выдался урожайным, и возвращалась она домой с полной корзиной. Но в нескольких километрах от деревни Алевтина почувствовала, что за ней кто-то следит. Она обернулась. Тропинка была пуста. Но ощущение, что рядом есть кто-то чужой, не покидало её. Внезапно стемнело, хотя время было ещё не позднее. Зашумели кроны высоких елей. Тревожно защебетали птицы. В голове Алевтины раздался голос. Голос сообщил ей, что он является пришельцем из иного измерения и способен исполнить любое её желание. Алевтина бросила корзинку под куст и побежала к деревне, зовя на помощь. Когда через полчаса вооруженные жители деревни вернулись на то место, где Алевтина услышала голос, ни корзинки, ни грибов там уже не было. Происшествием заинтересовались в райцентре. Это не первый случай голосов в голове, представляющих пришельцами из иных миров и обещающих исполнение желаний. Если с вами или вашими знакомыми происходили подобные истории, присылайте их на адрес редакции, мы с удовольствием их опубликуем».

Лёва замолчал, наслаждаясь эффектом.

– Это они серьёзно? – наконец, выразила общее удивление Галина. – Да я таких новостей могу сто штук наклепать, даже на трезвую голову.

– Можешь, – не стал спорить Лёва. – А потом тебе надоест. А эти люди по сто штук таких новостей каждый день клепают. Они никогда от помощи не отказываются. Ну, едем дальше. Вот что пишет городской интернет-портал «Джинсовая жизнь». – Лёва набрал в лёгкие побольше воздуха и зачитал следующую публикацию: «Очень модным и актуальным в этом сезоне подарком становится "Сюрприз с исполнением желаний". В этом направлении уже работают несколько небольших частных фирм. Если вы не знаете, что подарить любимому человеку на день рождения или какой-либо иной важный день, вам больше не надо ломать голову. Просто позвоните "Исполнителям желаний", и они превратят любой праздник в сказку. Подробнее об этой удивительной услуге мы обязательно напишем в следующих выпусках».

– "Исполнители желаний"? Правда, есть такие? – недоверчиво спросила Марина.

– Да нет, это я придумал. Убедил редактора, что они существуют. Он сразу такой: «Несколько фирм? А почему ни одна у нас рекламу не даёт?» Я говорю: «Вы их приманите. Напишите об услуге, так каждый захочет, чтобы вы лично его расхвалили и адрес с телефонами указали». Так иногда делают. Ну и вот. Не удивлюсь, если кто-то подхватит идею и в самом деле рекламу даст. Далее... – Лёва почему-то замялся и посмотрел на Наташу. – Ну, нам же разную аудиторию охватить нужно. Вот, мне по большой дружбе удалось тиснуть кое-что в еженедельный журнал «Развесистая клубничка».

– Тот самый, который до восемнадцати читать нельзя, а после шестидесяти незачем? – ухмыльнулась Марина.

– Тот, тот. Других подобных нет. Причём вот что важно! Нужную нам фразу вынесли на первую полосу и набрали крупным кеглем. Теперь всякий, кто будет рассматривать откровенные фото на обложке, обязательно прочтает то, что мы для него заготовили.

– Что прочтает-то? – не выдержала Галина и вырвала у него из рук папку. – Ну-ка... «Анастасия потянулась всем своим прекрасным телом и простонала...» Чего-о?

– Да не это, а рядом, – смешался Лёва и попытался отобрать у старушки подшивку – но не вышло.

– А, вот, – сказала та. – Ну-ка. «Он перечитал договор ещё раз. Да, всё верно. Сергей клянётся своей душой, что будет исполнять все желания госпожи Ольги, пока она не соизволит разорвать договор. Он пронзил свой палец булавкой и подписался. Отступить было некуда». Да, ловко. И конкурентам пинок неслабый. Теперь пойдёшь докажи, что ты честный шемобор, а не какая-нибудь «госпожа Ольга».

Старушка вернула Лёве папку с публикациями и дружески ткнула его кулачком в плечо. Разведчик скривился от боли, но стерпел.

– Ну а это я просто нашел случайно, когда искал идеи, – признался он, доставая последнюю распечатку. – Может тоже как-то на руку нам сыграть. Слушайте, друзья. «Товары для успешной визуализации желаний в интернет-магазине "Дримоптторг". Всё, что нам надо, мы легко и просто можем получить от жизни. Надо только правильно визуализировать желаемое. Для того чтобы его правильно визуализировать, закажите в нашем интернет-магазине музыку для визуализаций (цена одного диска от 300 р.), благовония для визуализаций (от 200 р.), крем для визуализаций (от 1000 р. за тюбик), а также коврики, одежду, посуду, мебель и другие предметы, благодаря которым вы сможете приблизиться к исполнению своих желаний и жизненных целей...» Причём и коврики, и благовония, и крем можно за копейки купить на любом индийском базаре, я нарочно проверил.

– По-моему, эти оптовые торговцы мечтами ещё хуже шемоборов, – заметила Наташа.

– Но лучше, чем голоса в голове, ворующие чужие грибы! – вставил Виталик. – Кстати о грибах. Помните, вчера кое-кто из нас ходил к старому грибу-книголюбу? И почему он до сих пор не похвастался своими успехами? Неужели ему просто нечем похвастаться?

Константин Петрович метнул в Техника убийственный взгляд, но тот заслонился кофейной кружкой и уцелел.

Это было так унижительно! После того как Лёва продемонстрировал свои успехи в области распространения слухов («Да ладно, это только начало, дальше будет больше и интереснее», – отмахивался он) – признаться в том, что ты два раза подряд попался на одну и ту же уловку, и не выполнил взятых на себя обязательств! Но делать было нечего, и коммерческий директор рассказал о своём бесславном визите к букинисту.

– Поймите, ребята, – почти умоляющим тоном сказал он. – Я бы и рад ходить к нему по десять раз на дню и находить в своих карманах всё новые выигрышные билеты. Но я чувствую, что потом за это просто не расплачусь. Сейчас – ещё ничего. Это просто игра. А если начну злоупотреблять – попаду в такую кабалу, что договор с «госпожой Ольгой» покажется детской считалкой.

– Какой суеверный нам попался коммерческий директор! – воскликнул Виталик.

– Во всём, что касается денег, я очень суеверен! – строго ответил Цианид.

– Ха, ну давай теперь я схожу к дедуле! Я не суеверен, и деньги мне не помешают.

– Что, Вероника зарплату отбирает? – не удержался Константин Петрович.

– Не отбирает. Пока. Но не советует тратить на глупости. Говорит – не можешь нормально зарабатывать, так хоть не транжирь! А так хочется взять и протранжирить разом тысячи этак четыре.

– Да, зарабатывать может не каждый. Но экономить способен любой! – кивнул коммерческий директор.

– Так говорил Цианид! – торжественно произнёс Лёва, раскрыл папку с публикациями и сделал вид, что записывает эту фразу.

– Послушайте, это же звучит как начало поэмы в духе Евгения Евтушенко! – воскликнула Марина. – А?

Да! Зарабатывать может не каждый!

Но экономить способен любой!

– продекламировала её сестра.

– Гитару мне! – присоединился к клоунаде Лёва. – Будем городской романс сочинять.

– Сочиняйте, сочиняйте, – прыгнул с дивана Виталик. – Вернусь – проверю.

– Ты серьёзно? Прямо сейчас пойдёшь? Без подготовки? – удивился Константин Петрович.

– А чего готовиться? Ты вот вчера подготовился, и что? И потом, благодаря тебе я теперь знаю, что делать не надо. Дураки учатся на своих ошибках, а умные – на чужих.

– Умные учатся в университете, – возразил слегка уязвлённый коммерческий директор, – А дураки – да, на ошибках.

Тут уже уязвлённым почувствовал себя не имеющий высшего образования Виталик.

– Ладно, – сказал он. – Один – один, ничья, дружба. Давай координаты. Я к дедушке пойду. Штаны вроде бы высохли. Так что я готов к выигрышам в особо крупных размерах!

Константин Петрович безропотно передал ему бумажку с адресом и вслух прибавил:

– Доезжаешь до канала Грибоедова, переходишь на противоположную сторону Невского, идёшь в сторону Дворцовой – и там тебе будет Малая Морская.

– Ладно, найду.

– Найдёт он. Кто на прошлой неделе перепутал Сенную площадь и Технологический институт? Как их вообще можно перепутать? Между ними вообще ничего общего!

– Зато на карте метро между ними – два сантиметра, – беспечно отвечал Виталик уже от двери.

Когда он выходил из приёмной, следом шагнула прозрачная тень. Ам! И ответственность, возложенная на Техника, переместилась на плечи Андрея, упустившего революцию.

– Какая полезная защита! Чужие взгляды не пропускает, а wi-fi – запросто! – сказала Алиса, раскинувшись на подушках.

Ночью они с Анной-Лизой носились по городу, высовывались в окна джипа, по очереди кричали непристойности редким прохожим, включали радио, подпевали ему во весь голос, подрезали и обгоняли добропорядочных граждан, подначивали любителей уличных гонок, а потом как-то вдруг устали – и без всякого куража выбрали небольшой частный отель. Наутро Анна-Лиза вспомнила, что где-то с год назад она уже останавливалась здесь и даже потом уходила от Бойцов через балкон. Только на этот раз им с Алисой выделили другие апартаменты. Но балкон был не хуже, и при случае с него можно было прыгнуть вниз. А если под самым балконом будет стоять «хищная хохлома», то неуклюжие Бойцы снова останутся ни с чем.

Позавтракать решили в ресторане, оформленном в восточном стиле. Пока официанты сервировали стол, Алиса достала ноутбук, чтобы посмотреть, удачно ли она «порыбачила».

Перед тем как отправиться в путь, она написала в своём блоге всего одну фразу: «Расскажите мне о своих самых заветных желаниях, а я потом, может быть, расскажу о своих». Это «может быть» освобождало её от ответственности и необходимости в самом деле придумывать какие-то истории и выдавать их за свои желания, но читательницы не обратили на это внимания и оставили почти что три тысячи сообщений.

– Для меня там есть какой-то интерес? – спросила Анна-Лиза, намазывая лепешку маслом с зеленью и специями.

– Чисто поржать, – разочарованно протянула Алиса. – Вряд ли среди них найдётся хоть один носитель. Практической пользы эта акция, похоже, не принесла.

– Смех – это тоже польза здоровью, – рассудительно сказала Анна-Лиза. – Читай.

Алиса взбила волосы, распахнула пошире глаза, улыбнулась самой идиотской улыбкой, на какую только была способна, и с пионерским задором прочитала:

– «Дорогая Алиса! Моё самое заветное желание – встретить красивого, талантливого мужчину своей мечты. Чтоб он заботился обо мне и окружил меня роскошью. Манюнька1992».

– Всё мне да мне. А что получит он? – заинтересовалась Анна-Лиза.

– А я подарю ему всю себя! – войдя в образ Манюньки, ответила за неё Алиса.

– Красивый и талантливый мечтает только об этом!

Тут наконец принесли горячее, и Манюнька была забыта.

– А когда мы поедим к Джорджио? – как бы между прочим спросила Алиса, когда на столике появился кофе со специями.

– Для шемобора семья невозможна! – выпалила Анна-Лиза фразу, которая день и ночь крутилась у неё голове.

– Это такое правило?

– Да.

– Но ты сама говорила, что правила написаны, чтобы мы знали, что нарушать.

– Сначала уметь по правилам, потом разрушать. Мы приехали тебя учить.

– Но ты-то ведь по правилам уже всё умеешь. Неужели даже не скажешь ему, что вернулась?

– Я не вернулась. Я проезжаю мимо. И ты проезжаешь мимо. Шемобор проезжает мимо, и те, кого он проехал, уже ни о чём не желают.

Алиса пожала плечами и вновь вернулась к ноутбуку. Желания всё прибывали, но были они какие-то однотипные, точно скроенные по одному шаблону.

– Гляди-ка, мода есть даже на желания. Ну, значит, вряд ли среди них есть настоящие. Настоящее идёт от сердца, а не от стадного чувства. Мои девочки все как одна, хотят яркого,

весёлого, интересного мужчину, который будет при этом богат, свободен и верен. Но сами они – скучные, блёклые, обычные, заурядные, к тому же – плохо образованные и ленивые. Зачем они – яркому? К тому же – яркий не будет верен. А талантливый и яркий может не быть обеспеченным.

– Дались тебе эти отставные козы-барабанщицы, – отмахнулась Анна-Лиза. Но Алиса вошла во вкус.

– Хочешь яркого – будь готова к обилию поклонниц! – дирижируя соломинкой для коктейля, распалялась она., – Научись дружить с ними, у вас – общие интересы, быть может, вы похожи и в другом. Зато будь уверена – ты не заскучаешь и не пропустишь ни одного из чудес этого мира. Хочешь талантливого – будь готова к безденежью. Научись зарабатывать деньги и не задавать болезненных вопросов. Зато будь уверена – рядом с тобой человек, который творит миры. И ты – первый, кто эти миры увидит. Иногда, может быть, единственный. Хочешь заботливого и богатого – будь готова к диктату. Научись готовить борщ и худеть на пять килограммов по щелчку. Но зато будь уверена: если с тобой что-то случится, он будет тащить тебя на плечах, через пустыню, через тайгу, через болота, тащить столько, сколько потребуется, делая искусственное дыхание и перевязки. Тащить, несмотря ни на что, даже если ты ещё не успела сбросить пять килограммов и пересолила борщ.

Анна-Лиза положила под голову расписную подушку и демонстративно захрапела. Алиса не унималась.

– Мир этих девочек, – она щёлкнула ногтем по крышке ноутбука, – пустая коробка с яркой этикеткой. Стремись к ненужному! Добивайся незначительного! Требуй скидку на то, что тебе никогда не пригодится. Купи мыло и получи в подарок шило. Собери пять упаковок от товара А и обменяй их на обёртку от товара Бэ. Переливай из пустого в порожнее, не приноси пользы, потребляй время и всё, что тебе удастся потребить. Я и сама была точно такой! Сколько времени потратила зря! Тусовки! Парни! Чужие постели! Гостиничный номер на весь уик-энд. Вечеринка – пять часов ни о чём! Просто удивительно, как время на меня не обиделось и не потратило меня в ответ.

– Время не тратят, – «проснулась» Анна-Лиза. – Его живут. Зря – это заклинание, но оно не работает. Его придумали те, кому всегда тесно в их времени. Кто хочет твоё время забрать себе. Но у них не вышло. Ты хорошо жила в это время и тратила его на жизнь.

– Почему ты думаешь, что у них не вышло? Вдруг все те, кто ругал меня за то, что я трачу время зря, оказались правы и по кусочкам растащили моё время?

– Но ты же помнишь, что было.

– По большей части – да.

– Значит, оно было не зря.

– Даже если я о многом теперь жалею?

– Ты жалеешь, что это не повторится.

– Ха! Я легко могу повторить любой трюк из своего прошлого. Просто всё это уже было, и было по тысяче раз во всех видах.

– Я так и сказала. Как было впервые, с тобой уже не повторится.

Алиса задумалась.

– Но больше я не дам тебе тратить время! – отвлекла её Анна-Лиза. – Начинаем учить защиту! Выбрасываем тебя из лодки в воду и начинаем играть. Правильно играть так: ты идёшь и смотришь по сторонам. Когда видишь двух странных старух – накликай на себя их внимание. Если это Бойцы, игра началась. Если нет, ты идёшь дальше.

– А как я пойму, Бойцы это или не Бойцы?

– Понимать потом. Разом, как только ты их завидишь, ставь защиту.

– А ты?

– А я буду где-то рядом, за рулём. Будут Бойцы – будет погоня. А если тебя всё-таки окочурят раньше – подберу и с почестями прикопаю.

– Спасибо, учитель. А насколько странными должны быть старухи?

Анна-Лиза зажмурила левый глаз, высунула язык и взмахнула рукой так, словно раскручивала лассо.

– Понятно. Значит, если я найду нужных Бойцов, то они, может быть, меня убьют. – Алиса до конца не верила в эти слова, думала, что убивать её будут понарошку: такая игра, и потому куражилась: – А если не убьют, то что мне за это будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.